

Потрясающе.
Не оторваться.
Эту книгу просто нельзя
обойти стороной!

Саманта Даунинг,
автор бестселлера
«Моя дорогая жена».

ЭЛИС ФИНИ

От автора бестселлера
New York Times
«Иногда я лгу»

ЕГО И ЕЕ

Элис Фини

Его и ее

Серия «Идеальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63457642

Его и ее : [роман] / Элис Фини ; [перевод с английского Е. Серебро].:

АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-127482-5

Аннотация

Она – Анна Эндрюс, телеведущая дневных новостей на BBC.

Он – Джек Харпер, ее бывший муж и главный инспектор полиции в Блэкдауне – месте, где она выросла.

Их пути вновь пересекаются, когда в ее родном городе находят тело молодой женщины. Жертву знали оба, но кому-то известно больше, чем кажется.

Есть две версии: его и ее. Один из них знает больше, чем говорит. Кто лжет?

Содержание

Для них	5
Она	8
Он	20
Она	32
Он	47
Она	53
Он	63
Она	73
Он	82
Она	93
Он	97
Она	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Элис Фини

Его и ее

Alice Feeney
HIS & HERS

ИДЕАЛЬНЫЙ

ТРИЛЛЕР

Серия «Идеальный триллер»

Публикуется с разрешения Curtis Brown UK и The Van Lear Agency

Перевод с английского *Елены Серебро*

© Alice Feeney, 2020

© Серебро Е., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Для них

Это не была любовь с первого взгляда.

Теперь я могу это признать. Но под конец я полюбила ее больше, чем, думаю, можно любить другого человека. Я заботилась о ней больше, чем когда-либо заботилась о самой себе. Вот почему я это сделала. Почему должна была. Думаю, людям будет важно узнать это, когда они обнаружат, что я натворила. Если обнаружат. Возможно, тогда они смогут понять, что я сделала это для нее.

Быть и чувствовать себя одиноким – две разные вещи; можно скучать по человеку, находясь рядом ним. В моей жизни было много людей: семья, друзья, коллеги, любовники. Полный набор подозрительных лиц¹, которые образуют круг общения, только мой круг имел одну особенность. Все отношения, в которые я вступала с другими людьми, воспринимались мной не как реальные, а скорее как серия неудачных связей.

Люди могут знать меня в лицо, они даже могут знать мое имя, но они никогда не узнают меня настоящую. Этого не знает никто. Я всегда держала при себе подлинные мыс-

¹ Отсылка к фильму «Подозрительные лица» (англ. The Usual Suspects – «Обычные подозреваемые») – независимый детективный кинофильм 1995 года режиссёра Брайана Сингера в жанре неонуар. Широко признан одним из стилистически образующих фильмов 1990-х годов. Здесь и далее прим. перев.

ли и чувства; я не делюсь ими ни с одним человеком. Потому что не могу. С одной из моих ипостасей только я сама могу быть наедине. Иногда мне кажется, что секрет успеха заключается в способности приспосабливаться. Жизнь редко стоит на месте, и мне часто приходилось перекраивать себя, чтобы не отставать. Я научилась менять внешность, жизнь... даже голос.

Я также научилась вписываться, но от постоянных стараний теперь испытываю не только дискомфорт, но и боль. Потому что все равно не вписываюсь. Я сглаживаю свои внутренние острые углы и стираю наиболее явные различия между нами, но я не такая, как вы. На планете свыше семи миллиардов людей, и тем не менее каким-то образом я умудрилась прожить жизнь, чувствуя себя одинокой.

Я теряю разум, и не в первый раз, но здравый смысл можно часто терять и находить. Люди скажут, что я сломалась, сбилась с пути, сорвалась. Но когда пришло время, это – без сомнения – оказалось правильным. После этого я почувствовала удовлетворение и захотела повторить.

У каждой истории есть как минимум две стороны:

Ваша и моя.

Наша и их.

Его и ее.

Это значит, что кто-то всегда лжет.

Ложь, которую повторяют достаточно часто, начинает казаться правдой, и мы все иногда слышим внутренний

голос, говорящий такие шокирующие вещи, что притворя-
емся, будто не имеем к ним отношения. Я точно знаю, что
слышала в тот вечер, когда ждала на станции ее последнего
приезда домой. Сначала отдаленный звук поезда был таким
же, как обычно. Я закрыла глаза и словно услышала музы-
ку, ритмичную песню бегущих по рельсам вагонов, которая
становилась все громче и громче.

Стук-постук. Стук-постук. Стук-постук.

Но затем звук стал меняться, превращаясь в моей голове
в бесконечно повторяющиеся слова, которые больше нельзя
было не услышать:

Убей их всех. Убей их всех. Убей их всех.

Она

Анна Эндрюс

Понедельник 06.00

Понедельник всегда был моим любимым днем.

Шансом начать все заново.

Относительно чистой грифельной доской, где все еще видна пыль твоих прошлых ошибок, которую стерли, но не до конца.

Понимаю, что мою любовь к первому дню недели вряд ли разделяют многие, но у меня полно таких непопулярных пристрастий. Я смотрю на мир немножко под углом. Когда с детства занимаешь в жизни самые дешевые места, без труда видишь, что происходит за марионетками, танцующими на ее сцене. Если разглядеть нитки и того, кто их дергает, нелегко наслаждаться остальным представлением. Теперь я могу позволить себе сидеть, где хочу, и выбирать любой понравившийся мне ракурс, но из нарядных театральных лож хорошо только смотреть вниз на других людей. Но я так никогда не буду делать. Если мне не нравится оглядываться назад, это не означает, что я не помню, откуда я. На свой билет я заработала тяжким трудом, и меня по-прежнему устраивают и дешевые места.

По утрам я не трачу много времени на то, чтобы привести

себя в порядок: нет никакого смысла делать макияж, когда потом на работе с тебя сотрут его и начнут заново накладывать грим, – и не завтракаю. Я вообще ем немного, но люблю готовить для других, как настоящая кормилица.

Быстро захожу на кухню – надо взять контейнер фирмы «Таппервер» с домашними капкейками для моих коллег. Смутно помню, что испекла их. Было поздно – точно после третьего бокала чего-то сухого и белого. Я предпочитаю красное, но оно оставляет красноречивый след на губах, и я приберегаю его для выходных. Открыв холодильник, замечаю вчерашнее вино и выпиваю остаток прямо из бутылки, а потом беру ее с собой, уходя из дома. По понедельникам у меня забирают мусор. Мусорный контейнер набит доверху, что удивительно для одиноко проживающего человека. В основном стеклом.

Мне нравится идти до работы пешком. В это время дня на улицах почти никого, что меня успокаивает. Перехожу через мост Ватерлоо и петляю по Сохо в сторону площади Оксфорд-Серкус, слушая программу *Сегодня*. Я предпочитаю слушать музыку, возможно, немного Людовико или Тейлор Свифт в зависимости от настроения – это две разные стороны моей личности, – но вместо этого терплю слащавые голоса, вещающие для британского среднего класса о том, что, с их точки зрения, я должна знать. Эти голоса все еще режут мой слух, хотя у меня такой же. Но я не всегда так говорила. Почти два года я веду на «Би-би-си» *Дневные ново-*

сти и до сих пор чувствую себя обманщицей.

Останавливаюсь у расплющенного картонного ящика, на который с недавнего времени начала обращать внимание. Вижу торчащую сверху прядь светлых волос – значит, она еще здесь. Я не знаю, кто она, только знаю, что могла быть ею, сложись моя жизнь по-другому. Я ушла из дома в шестнадцать лет, потому что чувствовала, что должна. Я делаю то, что собираюсь, не по доброте, а из-за сбившегося с курса морального компаса. По той же причине в прошлое Рождество я работала волонтером на полевой кухне. Мы редко заслуживаем ту жизнь, которую ведем, и расплачиваемся за нее чем можем, будь то деньги, вина или сожаление.

Я открываю пластмассовый контейнер и кладу один из моих тщательно украшенных капкейков на тротуар, между картонным ящиком и стеной – так она увидит его, когда проснется. Затем, боясь, что ей может не понравиться шоколадная глазурь или она не оценит ее – а вдруг у нее диабет, – достаю из кошелька купюру в двадцать фунтов и подкладываю под капкейк. Я не против, если она потратит мои деньги на выпивку, я же покупаю.

Радио-4 продолжает меня раздражать, и я выключаю последнего политика, врущего мне в уши. Много раз отрепетированный обман не вяжется с образом реальных людей с реальными проблемами. Я никогда не произнесу это вслух или в эфире во время интервью. Мне платят за беспристрастность, независимо от того, что я чувствую.

Может быть, я тоже лгуныя. Я выбрала эту карьеру, потому что хотела говорить правду. Хотела делиться наиболее животрепещущими историями, теми, которые, по моему мнению, людям надо услышать. В надежде, что эти истории смогут изменить мир и сделать его лучше. Но я была наивной. Люди, работающие сегодня в СМИ, имеют больше власти, чем политики, но что хорошего в попытках говорить правду о мире, когда я не в состоянии честно рассказать собственную историю: кто я, откуда и что сделала.

Я прячу свои мысли, как всегда. Запираю в безопасный секретный ящик внутри моей головы, запикиваю в самый дальний, темный угол и надеюсь, что они не скоро вновь убегут оттуда.

Прохожу еще несколько улиц и приближаюсь к Телецентру. Затем роюсь в моей дамской сумочке в поиске служебного пропуска, который, как всегда, куда-то запропастился. Но вместо пропуска мои пальцы находят одну из маленьких жестяных коробочек с мятными леденцами. Коробочка гремит в знак протеста, когда я открываю ее и кладу в рот крошечный белый треугольник, словно это таблетка. Лучше, чтобы до утреннего совещания от меня не пахло вином. Я нахожу пропуск и вхожу в стеклянную вращающуюся дверь, чувствуя, что несколько пар глаз смотрят в мою сторону. Все нормально. Я довольно хорошо изображаю ту версию себя, которую, как мне кажется, привыкли видеть люди. По крайней мере, снаружи.

Я знаю всех по именам, включая уборщиков, еще подметающих пол. Почти ничего не стоит быть добрым, и у меня очень цепкая память, несмотря на пьянство. Пройдя контроль безопасности – немного более тщательный, чем обычно, – все благодаря состоянию мира, которое мы себе обеспечили, – пристально смотрю вниз на отдел новостей и чувствую себя как дома. Хотя отдел находится на цокольном этаже здания «Би-би-си», его видно с каждого этажа – он напоминает ярко освещенный красно-белый муравейник с открытой планировкой. Почти все имеющееся пространство заставлено экранами и заваленными бумагами столами, за каждым сидит представитель разношерстной компании журналистов.

Эти люди не просто коллеги, они моя неблагополучная суррогатная семья. Мне почти сорок лет, но у меня больше никого нет. Ни детей. Ни мужа. Никого. Я работаю здесь почти двадцать лет, но, в отличие от тех, у кого есть дружеские или семейные связи, начинала с самого низа. По дороге мне пришлось несколько раз идти в обход, и путь к успеху был нередко вымощен скользкими булыжниками, но в конечном итоге я пришла туда, куда хотела.

Терпение – ответ на очень многие вопросы, которые задают нам жизнь.

Счастливый случай улыбнулся мне, когда ушла бывшая ведущая программы. У нее начались схватки на месяц раньше срока – за пять минут до дневного выпуска новостей. У

женщины отошли воды, а ко мне пришла удача. Я сама только что вернулась из декретного отпуска – раньше, чем планировала, – и на тот момент была единственным корреспондентом в отделе новостей, имеющим хоть какой-то опыт ведения программ. Весь мой опыт был приобретен во время сверхурочных ночных дежурств: в эти смены никто другой не хотел работать – до такой степени я хваталась за любую возможность, которая способствовала бы моей карьере. Вести новости – об этом я мечтала всю свою жизнь.

В тот день на поход к парикмахеру и стилисту не было времени. Они примчались ко мне на съемочную площадку и сделали что смогли – пудрили мне лицо и одновременно прикрепляли микрофон. Я упражнялась в чтении заголовков на телесуфлере, и режиссер в моих наушниках был спокоен и добр. Его голос придавал уверенность. Я очень мало что помню о той первой получасовой программе, но хорошо помню последовавшие за ней поздравления. Меньше чем за час из пустого места в отделе новостей я превратилась в телеведущую.

Моего начальника за его слегка горбатой спиной зовут Тошшим инспектором². Он маленький человек, которого загнали в тело высокого мужчины. У него дефект речи – не выговаривает букву Р, и никто в отделе новостей не воспринимает его всерьез. Он никогда не был силен в заполнении про-

² Тоший инспектор – персонаж детского мультипликационного сериала «Томас и его друзья».

белов в графике дежурств и поэтому после моего успешного дебюта решил оставить меня на замене до конца недели. А потом и на следующую неделю. Трехмесячный контракт в должности ведущей – вместо моей штатной должности – перерос в шестимесячный, а потом был продлен до конца года с небольшим, но приятным повышением зарплаты. Когда я стала вести программу, зрительский рейтинг повысился, и мне разрешили остаться. Моя предшественница так и не вернулась; она снова забеременела, будучи в декретном отпуске, и после этого на работе ее больше не видели. Почти спустя два года я по-прежнему здесь и жду, что мой последний контракт будет перезаключен в любой момент.

Я сажусь на свое место между редактором и ведущим продюсером, затем вытираю стол и клавиатуру антибактериальной салфеткой. Никто не знает, кто мог сидеть здесь в ночную смену. Отдел новостей никогда не спит, и, к сожалению, не все сотрудники соблюдают гигиену в той же степени, что и я. Открываю сетку вещания и улыбаюсь – все еще немного трепещу при виде моего имени в начале списка:

Телекомментатор: Анна Эндрюс.

Я начинаю писать вступления для каждой истории. Несмотря на распространенное мнение, ведущие не просто *читают* новости, мы их еще и пишем. Или, по крайней мере, так делаю я. Телекомментаторы, как и обычные люди, бывают всех форм и размеров. Кое-кто так задрал нос, что меня поражает, как они вообще еще могут усидеть на месте, не

говоря уже о том, чтобы читать телесуфлер. Страна бы ужаснулась, узнав, как некоторые так называемые национальные достояния ведут себя за кадром. Но я не буду рассказывать. Журналистика – это игра, где карьеристов больше, чем карьерных лестниц. Пока заберешься наверх, пройдет много времени, и одно неосторожное движение может вернуть тебя обратно на дно. Против системы не поправишь.

Это утро похоже на любое другое: беспрерывно меняющаяся сетка вещания, разговоры с корреспондентами на местах, обсуждения с режиссером графики и экранов. Рядом со мной почти всегда очередь из репортеров и продюсеров, которые ждут, когда можно будет поговорить с редактором. Чаще всего они просят продлить их телевизионный сюжет или репортаж с включением студии.

Каждый хочет лишь чуть больше времени.

Я совсем не скучаю по тем дням: упрашивать, чтобы тебе дали эфир, и без конца раздражаться, когда ты его не получил. На каждую историю просто нет времени.

Остальная часть группы ведет себя необычайно тихо. Я бросаю взгляд влево и вижу на экране продюсера последнюю версию расписания дежурств. Она закрывает ее, как только замечает мой взгляд. Расписания дежурств стоят на втором месте после экстренных сообщений в списке факторов, повышающих уровень стресса в отделе новостей. Они обнаруживаются поздно и редко воспринимаются с одобрением, причем распределение самых непопулярных смен – вечерних,

выходных и ночных – всегда вызывает разногласия. Теперь я работаю с понедельника по пятницу и больше полугода не брала ни отпусков, ни отгулов, так что, в отличие от моих несчастных коллег, мне нечего беспокоиться из-за расписания.

За час до программы иду в примерную. Это укромное место, здесь относительно спокойно и тихо по сравнению с постоянно бурлящим отделом. Мои каштановые волосы с коротким бобом аккуратно уложены феном, на лице – основа для грима высокой степени разрешения. На работе на мне больше макияжа, чем было на свадьбе. От этой мысли я ненадолго ухажу в себя и трогаю след от кольца на пальце.

Программа в основном идет по плану, несмотря на несколько изменений в эфире, сделанных в последнюю минуту, – пару экстренных сообщений, задержку с телевизионным сюжетом, камеру, снимающую по собственному усмотрению, и сомнительную подачу материала из Вашингтона. Я вынуждена свернуть чересчур восторженного политического корреспондента с Даунинг-стрит, одного из тех, кто регулярно занимает больше отведенного им времени. Некоторые люди слишком сильно любят звук собственного голоса.

Летучка начинается, пока я еще в студии – жду, чтобы попрощаться со зрителями после прогноза погоды. После программы никто не хочет задерживаться без надобности, и поэтому всегда начинают без меня. Это собрание корреспондентов и продюсеров, работавших над выпуском, с участием

представителей других отделов: внутренних новостей, зарубежных новостей, редакции, графики и т. д., а также Тощего инспектора.

По дороге на встречу я беру со стола контейнер «Таппервер» – очень хочется поделиться с коллегами моим последним кулинарным творением. Я еще никому не сказала, что у меня сегодня день рождения, хотя могла бы.

Я иду к ним через весь отдел новостей и резко останавливаюсь при виде женщины, которую не узнаю. Она стоит ко мне спиной рядом с двумя маленькими детьми в одинаковой одежде. Я замечаю, что коллеги уже едят аппетитные капкейки. Не сделанные своими руками, как мои, а купленные в магазине и с виду дорогие. Затем снова переключаю свое внимание на женщину, которая их раздает. Я пристально смотрю на яркие рыжие волосы, обрамляющие хорошенькое личико, – у нее такая идеальная стрижка боб, словно ее делали лазером. Когда она поворачивается и улыбается в мою сторону, мне словно дают пощечину.

Кто-то подает мне бокал с теплым просекко, и я вижу тележку с напитками, которую руководство всегда заказывает в кейтеринге, когда один из сотрудников уходит. А такое в нашем деле случается часто. Тощий инспектор стучит по своему бокалу отросшим ногтем и начинает говорить, с его губ, обсыпанных крошками, слетают звучащие странно слова.

– Мы никак не могли вас дожидаться...

Это единственное предложение, которое мои уши в состоянии воспринять. Я пристально смотрю на стоящую здесь Кэт Джонс, женщину, которая вела программу до меня, у нее фирменные рыжие волосы и две красивые маленькие девочки. Мне становится плохо физически.

...и, конечно, благодарим Анну за то, что она встала у штурвала в ваше отсутствие.

Все поворачивают головы в мою сторону и поднимают бокалы. У меня начинают трястись руки. Надеюсь, лицо не так выдает мои чувства.

– Это было в расписании дежурств, извините, мы все думали, что вы знаете, – шепчет стоящий рядом со мной продюсер, но я не в состоянии что-либо произнести.

Тощий инспектор потом тоже извиняется. Он сидит в своем кабинете – я перед ним – и говорит, уставившись на свои ладони, как будто слова, которые он силится найти, написаны на его потных пальцах. Он благодарит меня и говорит, что я проделала великолепную работу, замещая последние...

– Два года, – подсказываю я: похоже, он не знает или не понимает, сколько времени это продолжалось.

Он пожимает плечами, словно ничего не случилось.

– Боюсь, это *ее* работа. У нее контракт. Мы не можем увольнять людей за то, что у них родился ребенок, тем более двое!

Он смеется.

Я – нет.

– Когда она вышла на работу? – спрашиваю я.

На его широком лбу сама по себе возникает морщина.

– Она выходит завтра. Все есть в... – Я наблюдаю за тем, как он тщетно пытается найти замену слову расписание, как делает всегда со словами на букву р... – все в *лаписании*, уже какое-то время. Вы возвращаетесь в корпункт, но не волнуйтесь, вы сможете по-прежнему подменять ее и вести программу во время школьных каникул, Рождества, Пасхи и всего такого прочего. Мы все считаем, что вы проделали гигантскую работу. Вот ваш новый контракт.

Я опускаю взгляд на твердые белые листы формата А4, испещренные словами, тщательно сформулированными безликим сотрудником из отдела кадров. Похоже, мои глаза способны сфокусироваться только на одной строчке:

Корреспондент отдела новостей: Анна Эндрюс.

Выйдя из его кабинета, я снова вижу ее: мою заместительницу. Хотя подозреваю, что на самом деле все наоборот. Страшно признаться, даже самой себе, но, глядя на Кэт Джонс с ее идеальными волосами и идеальными детьми, которая болтает и смеется с *моими* коллегами, я желаю ей смерти.

Он

Главный инспектор полиции Джек Харпер

Вторник 05.15

Телефон жужжит, и я просыпаюсь, не досмотрев сон, который хотел бы досмотреть. Во сне мне еще нет сорока с лишним лет, я не живу в доме, залог за который не могу себе позволить, с ползающим младенцем, за которым не могу угнаться, и с женщиной, которая, не будучи моей женой, все равно меня пилит. Другой бы к этому времени разобрался со своими проблемами, а не жил, как лунатик, взятой в займы жизнью.

В темноте бросаю взгляд на телефон и вижу, что сейчас утро вторника. Еще жутко рано, и хорошо, что эсэмэс, похоже, больше никого не разбудило. Нехватка сна в этом доме может иметь ужасные последствия, но не для меня – я всегда был скорее совой. Текст на экране вызывает у меня энтузиазм, хотя не должен был бы. По правде говоря, с тех пор, как я уехал из Лондона, моя работа стала скучной, как ящик с нижним бельем монахини.

Я начальник местной Главной группы по расследованию тяжких преступлений. Звучит впечатляюще, но только не применительно к самому темному пятну графства Суррей,

где я нахожусь. Блэкдаун³ – квинтэссенция английской деревни, от нее до столицы меньше двух часов езды. Мелкие преступления и редкие кражи со взломом – самое тяжкое, что здесь может произойти. Деревня скрыта от окружающего мира стеной деревьев. Похоже, древний лес держит Блэкдаун и его обитателей в прошлом, как в капкане, равно как и постоянная тень. Но этому месту не откажешь в красоте – оно напоминает пряничный домик. В старых переулках и узких улочках полно коттеджей с соломенными крышами и белых частоколов. Количество пожилых людей здесь выше средних показателей, а уровень преступности – ниже. В такое место приезжают умирать, и я никогда не думал, что когда-нибудь буду тут жить.

Я не могу оторвать глаз от сообщения в телефоне, практически смакуя слова по мере того, как в них вчитываюсь.

Сегодня ночью в Блэкдаунских лесах найдено тело женщины. Требуется Главная группа по расследованию тяжких преступлений. Пожалуйста, позвоните.

Сама мысль о том, что здесь обнаружили тело, кажется ошибочной, но я уже знаю, что это не так. Спустя десять минут я сижу в машине. Я полностью собран и уже выпил кофе.

Мой последний подержанный кроссовер было бы неплохо вымыть, и, как я понимаю слишком поздно, меня тоже.

³ По-английски Blackdown, первая часть слова переводится как темный.

Понюхав подмышки, почти готов вернуться в дом, но не хочу ни терять время, ни будить домочадцев. Ненавижу то, как они на меня иногда смотрят. У них одинаковые глаза, которые нередко наполняются слезами и разочарованием.

Возможно, я с излишним энтузиазмом стремлюсь попасть на место преступления раньше всех остальных, но ничего не могу с этим поделать. Много лет здесь не случилось ничего настолько плохого, и от этого мне становится хорошо. Придает оптимизма и сил. Если работать в полиции столько, сколько я, начинаешь мыслить, как преступник, хотя тебя им не считают.

Включаю двигатель и молю, чтобы он завелся, игнорируя собственное отражение в зеркале заднего вида. Волосы – которые теперь скорее седые, чем черные, – торчат во все стороны. Под глазами темные круги, и я выгляжу старше, чем есть, если правильно помню. Я пытаюсь утешить себя: в конце концов, сейчас глубокая ночь. Кроме того, меня не волнует, как я выгляжу, а мнение других людей значит для меня еще меньше, чем собственное. По крайней мере, я все время так себе говорю.

Я веду машину, одна рука на руле, другая ощупывает щетину на щеке. Наверное, надо было хотя бы побриться. Потом смотрю на свою мятую рубашку. Уверен, что у нас *есть* гладильная доска, но понятия не имею, где она и когда я последний раз ею пользовался. Впервые за долгое время мне интересно, как меня воспринимают другие люди. Обычно я

был ценным кадром – во мне много чего видели.

Когда я въезжаю на стоянку Национального фонда, еще темно. Вижу – несмотря на то что поехал из дома прямо сюда – меня все опередили. На стоянке – две полицейские машины и два фургона, а также транспортные средства без опознавательных знаков. Криминалисты уже на месте вместе с сержантом полиции Прией Пэтел. Работа еще не выжала из нее все соки; она по-прежнему сияет как новенькая. Она слишком молода, чтобы чувствовать себя старой из-за работы, и слишком неопытна, чтобы знать – это в конечном итоге произойдет. Так происходит со всеми. Ее повседневный энтузиазм утомляет, равно как и вечно приподнятое настроение. У меня начинает болеть голова, стоит мне едва взглянуть на нее, и я стараюсь делать это так редко, как только возможно, если работаешь с кем-то каждый день.

Конский хвост Прии болтается из стороны в сторону, пока она спешит к моей машине. Очки в черепаховой оправе сползли на кончик носа, а в больших карих глазах слишком много рвения. *Она* не выглядит так, словно ее стащили с кровати глубокой ночью. Плотный прилегающий костюм вряд ли греет миниатюрное тело, а недавно вычищенные ботинки слегка скользят по грязи. Странно, но мне доставляет удовольствие видеть, как они пачкаются.

Иногда мне кажется, что моя коллега спит в полном обмундировании на случай, если ей придется поспешно выйти из дома. Пару месяцев назад она подала специальное проше-

ние о переводе на работу под моим руководством, бог знает, почему. Если в моей жизни и был период, когда я испытывал такой энтузиазм, как Прийя Пэтел, я не могу его вспомнить.

Как только я выхожу из машины, начинает идти дождь. Сверху мгновенно обрушивается сильный ливень, и за считанные секунды моя одежда промокает до нитки. Поднимаю голову и внимательно смотрю на небо, которое думает, что сейчас ночь, хотя на самом деле утро. Луна и звезды виднелись бы, если бы их не скрывала завеса темных облаков. Проливной дождь не очень подходит для сохранения улики на открытом воздухе.

Прийя прерывает мои мысли, и я непроизвольно хлопаю дверью. Она подбегает ко мне, пытаясь держать зонт над моей головой, но я отгоняю ее.

– Инспектор Харпер, я...

– Я же просил вас называть меня Джек. Мы не в армии, – говорю я.

Лицо Прийи застывает. Она выглядит как наказанный щенок, а я чувствую себя несчастным старым мерзавцем, в которого превратился.

– Всех вызвала Целевая патрульная группа, – говорит она.

– Кто-то из них еще здесь?

– Да.

– Хорошо, хочу увидеться с ними, пока они еще не ушли.

– Конечно. Тело вон там. Судя по первым признакам...

– Я хочу увидеть все сам, – перебиваю я.

– Да, босс.

Как будто мое имя – слово, которое она не может произнести.

Мы проходим мимо непрерывного потока сотрудников, которые мне едва знакомы – я забыл имена этих людей потому, что вообще не знал их или очень долго их не видел. Не имеет значения. Моя маленькая, но идеально сформированная Главная группа по расследованию тяжких преступлений базируется здесь, но работает по всему графству. Каждый день мы имеем дело с разными людьми. К тому же на такой работе не заводят друзей, главное здесь – не завести врагов. Прийе предстоит многое узнать. Мы идем в приглушенной тишине, от чего ей, наверное, не по себе, в отличие от меня. Молчание – моя любимая симфония; я не могу ясно мыслить, когда жизнь становится слишком громкой.

Она светит карманным фонариком под ноги, прокладывая нам путь, – до чего же меня раздражает ее неизменная эффективность, – пока мы идем по темному хрустящему ковру из опавших листьев и сломанных веток. Осень была и ушла, погостив в этом году, чтобы уступить место самонадежной зиме. У меня на пальто нет верхней пуговицы, и оно больше не застегивается до конца. Отсутствие пуговицы я компенсирую шарфом в стиле Гарри Поттера с моими инициалами – подарок бывшей. По-настоящему я так и не сумел избавиться от него, как и от женщины, которая мне его подарила. Наверное, в шарфе у меня дурацкий вид, но мне

плевать. Мы держимся за некоторые вещи в жизни только благодаря людям, от которых их получили: это имена, убеждения, шарфы. К тому же мне нравится ощущать его на шее: теплая персональная удавка.

От моего дыхания идет пар, и я еще глубже запихиваю руки в карманы пальто, стараясь сохранить их сухими и теплыми. Входя в белую дверь из ПВХ, с удовлетворением отмечаю, что кто-то догадался поставить над телом палатку. Пальцы нащупывают в кармане детскую игрушку ровно в тот момент, когда я замечаю труп. Я так сильно сжимаю соску-пустышку, что пластмасса врезается мне в ладонь. Меня пронзает боль, но такие ощущения иногда необходимы. Я и раньше видел мертвых людей, но сейчас другое дело.

Женщина частично покрыта листьями и лежит на приличном расстоянии от главной дорожки. Ее вполне можно было не заметить в этой темной части леса, если бы не яркие светильники, которые полицейские уже установили вокруг.

– Кто нашел тело? – спрашиваю я.

– Анонимная информация, – отвечает Прийя. – Кто-то позвонил в участок из таксофона в переулке.

Я благодарен за ответ, такой же короткий, как и она сама. Прийя страдает болтливостью, а я – нетерпением.

Делаю шаг вперед и склоняюсь над лицом мертвой женщины. Ей около сорока, она изящная и хорошенькая – если вам нравится такой тип, мне вот нравится, – и весь ее вид говорит о трех вещах: деньгах, тщеславии и самоконтроле.

У нее ухоженное тело – она явно много лет ходила на фитнес, сидела на диете и использовала дорогостоящие крема. Длинные, профессионально обесцвеченные светлые волосы лежат так, словно она провела по ним щеткой перед тем, как лечь в месиво. Золотые нити в грязи. Признаков борьбы нет. Яркие голубые глаза все еще широко открыты, словно шокированы увиденным в последний момент. Судя по цвету и состоянию кожи, она лежит здесь недолго.

Погибшая женщина полностью одета. Все на ней выглядит дорого: шерстяное пальто, с виду шелковая блузка и черная кожаная юбка. Не хватает только туфель – что не совсем вяжется с прогулкой по лесу. Невозможно не заметить ее маленькие, хорошенькие ножки, но я пристально смотрю на блузку. Видно, что она была белого цвета, как и кружевной лифчик под ней. Обе вещи теперь окрашены в красный цвет. Искромсанная плоть и разорванная в клочья ткань говорят о том, что женщине нанесли множество ножевых ранений в грудь.

У меня возникает странная потребность дотронуться до нее, но я этого не делаю.

И тут я обращаю внимание на ногти жертвы. Их грубо подстригли на скорую руку, но это не все. Терпеть не могу, когда меня видят в очках, но зрение у меня уже не то, что раньше, – я достаю очки, которые купил без рецепта и держу для экстренных случаев, и вглядываюсь более пристально.

На ногтях ее правой руки красным лаком написано:

ДВУ.

Я смотрю на левую руку. Там тоже надпись, но другая:
ЛИЧНАЯ.

Это преступление не совершили в состоянии аффекта – его планировали.

Возвращаюсь обратно в здесь и сейчас и понимаю, что Прийя еще ничего не заметила – она была слишком сильно занята, читая мне записи и излагая свои мысли. Я давно понял, что она может говорить, пока ее специально не попросят остановиться. Слова спотыкаются друг о друга, выскакивая из ее рта и запрыгивая в мои уши. Я пытаюсь выглядеть заинтересованным, переводя ее поспешные предложения по мере того, как она их произносит.

– ...Я инициировала все стандартные процедуры золотого часа. В этой части города нет камер наружного наблюдения, но мы собираем кадры, снятые на главной улице. Полагаю, что она вряд ли пришла сюда босиком в разгар зимы, но без какого-либо удостоверения личности или паспорта транспортного средства – стоянка была полностью пуста – я не могу прибегнуть к автоматическому распознаванию номерных знаков...

Люди в состоянии стресса редко говорят то, что на самом деле имеют в виду, и все, что я слышу, – отчаянные попытки доказать мне, что она может справиться с ситуацией.

– Вы видели раньше мертвое тело? – перебиваю ее.

Прийя немного выпрямляется и выдвигает вперед че-

люсть, как недовольный ребенок.

– Да. В морге.

– Это не то же самое, – едва слышно бормочу я.

Я могу научить ее очень многим вещам, причем она не знает, что ей надо им учиться.

– Никак не могу понять: какую мысль хотел донести до нас убийца, – произносит Прийя, вновь заглянув в блокнот, где я вижу начало одного из ее многочисленных списков.

– Он хотел сообщить нам, что жертва была двуличной, – отвечаю я. Прийя явно смущена. – Ее ногти. Думаю, кто-то отрезал их и написал сообщение.

Прийя хмурится, потом наклоняется, чтобы получше рассмотреть. Она смотрит на меня с восхищением, словно я Эркюль Пуаро. Кажется, моя суперсила заключается в умении читать.

Я отвожу от нее глаза, вновь обращаю внимание на лицо лежащей в грязи женщины и даю одному из криминалистов указание сфотографировать труп со всех сторон. Погибшая похожа на человека, которому нравилось фотографироваться, – тщеславие проступало в каждой ее черте. Вспышка ослепляет меня, и я вспоминаю другое место и другое время: Лондон, несколько лет тому назад, репортеры и операторы на углу улицы шумно требуют снять то, что они не захотели бы увидеть. Я блокирую воспоминание – не выношу прессу – и замечаю кое-что еще.

Рот мертвой женщины слегка приоткрыт.

– Посветите фонариком на ее лицо.

Прийя выполняет мою просьбу, и я снова встаю на колени, чтобы поближе рассмотреть тело. Некогда розовые губы посинели, но я вижу что-то красное, спрятанное в темном промежутке между ними. Я протягиваю руку и хочу потрогать, не думая ни о чем, словно зачарованный.

– Сэр?

Прийя упреждает меня, не дав совершить ошибку. Она подходит так близко, что мне становится не по себе, настолько близко, что я чувствую запах ее духов и дыхание: слабый аромат недавно выпитого чая. Поворачиваюсь и вижу старую морщину на ее молодом лице. Я склонен думать, что вся эта история – в первый раз обнаружить тело в лесу – расстроила и немного взволновала ее, но могу и ошибаться. Пытаюсь вспомнить, сколько Прийе лет – возраст женщин дается мне с трудом. Если бы мне пришлось определять, я бы сказал плюс-минус тридцать. Все еще полна амбиций, уверена в своем собственном потенциале и ни следа разочарований, которые еще преподнесет ей жизнь.

– Разве мы не должны ждать, чтобы тело сначала осмотрел патологоанатом, а потом уже сможем до него дотрагиваться? – спрашивает она, уже зная ответ.

Прийя придерживается правил, как хороший вунн придерживается своих баек. Она произносит «патологоанатом», словно ребенок, который в школе только что выучил новое слово и хочет, чтобы окружающие услышали, как он упо-

требляет его в предложении.

— Безусловно, — отвечаю я и делаю шаг назад.

В отличие от моей коллеги, я видел много трупов, но это дело не похоже ни на одно из тех, над которыми мне доводилось работать. Я снова немного отключаюсь, пока Прийя гадает, кто эта женщина. Похоже, это только начало, и я сомневаюсь, браться ли мне за расследование. Двух одинаковых убийств не бывает, и с тех пор, как я занимался делом, отдаленно напоминающим это, многое изменилось. Изменилась работа, изменился я, но проблема не только в этом.

Никогда раньше я не расследовал убийство человека, с которым был знаком.

А я хорошо знал эту женщину.

Я был с ней прошлым вечером.

Она

Вторник 06.30

У всех нас есть секреты, и о некоторых мы не рассказываем даже самим себе.

Открыв глаза, сначала не понимаю, что меня разбудило, сколько времени и где я нахожусь. Все черным-черно. Мои пальцы нащупывают прикроватную лампу, которая проливает некоторый свет на ситуацию, и мне приятно видеть знакомые очертания собственной спальни. В таком состоянии я всегда чувствую облегчение, когда осознаю, что проснулась дома.

Я не из тех женщин, о которых вы читаете в книгах или видите в телесериалах. Они часто и слишком много пьют и забывают, что делали накануне вечером. Я не алкоголичка-любитель и не ходячее клише. У каждого из нас есть пагубная страсть: к деньгам, успеху, соцсетям, сахару, сексу... Список можно продолжать до бесконечности. Я предпочитаю алкоголь. Иногда мне нужно время, чтобы вернулась память, и я не всегда испытываю радость или гордость от того, что направила, но я всегда помню. *Всегда.*

Это не означает, что я должна рассказывать об этом всему свету.

Порой я считаю себя ненадежным рассказчиком соб-

ственной жизни.

Порой я считаю, что мы все такие.

Первое, что всплывает в памяти, — я потеряла работу моей мечты, и воспоминание о том, что мой худший кошмар воплотился в жизнь, ранит меня физически. Выключаю свет — я больше не хочу видеть предметы так отчетливо, — ложусь обратно в кровать и зарываюсь в простыни. Обхватив себя руками и закрыв глаза, вспоминаю, как в середине дня вышла сначала из кабинета Тощего инспектора, а затем из отдела новостей. Домой я поехала на такси — я не слишком твердо держалась на ногах, чтобы дойти пешком, затем позвонила матери и рассказала, что случилось. Это было глупо, но больше позвонить было некому.

За последние годы мать стала немного забывчивой и неадекватной, и звонки домой только усугубляют мое чувство вины за то, что я так редко навещаю ее. У меня никогда не возникает желания приехать в родные места, и на то есть свои причины, но лучше их забыть, чем о них рассказать. Легче обвинить расстояние в отчужденности, которая существует между некоторыми родителями и их детьми, но если слишком сильно исказить факты, можно перегнуть палку. Сначала мне показалось, что на другом конце провода моя мама, но это была не совсем она. После того как я излила ей душу, она какое-то время молчала как рыба, а потом спросила, не поднимут ли мне настроение яйцо и чипсы к чаю после плохого дня в школе.

Мама не всегда помнит, что мне тридцать шесть, и я живу в Лондоне. Она часто забывает, что я работаю и что у меня был муж и ребенок. Она, похоже, даже не знает, что сегодня у меня день рождения. В этом году, как и в прошлом, она не прислала мне открытку, но это не ее вина. Мама забыла, как ориентироваться во времени. Теперь оно идет для нее по-другому, часто назад, а не вперед. Деменция украла время у моей матери, а мою мать у меня.

Понятно, что в данных обстоятельствах надо искать утешение в воспоминаниях, но мое детство лучше не копать глубоко – во избежание не того эффекта.

Придя домой, я задернула все шторы и открыла бутылку «Мальбека». Не потому, что боялась, как бы меня не увидели, – просто люблю пить в темноте. Иногда даже мне самой не хочется видеть, во что я превращаюсь, когда на меня никто не смотрит. После второго бокала я переоделась в менее заметную одежду – в старые джинсы и черный свитер – и отправилась кое-кого навестить.

Вернувшись спустя несколько часов, скинула одежду в прихожей. Одежда была вся в грязи, а меня мучила совесть. Помню, что открыла еще бутылку и зажгла камин. Села прямо перед ним, завернувшись в одеяло и потягивая вино. На то, чтобы согреться, ушла целая вечность – я очень долго была на холоде. Поленья шипели и шептали, словно у них были свои секреты, и огонь отбрасывал в комнате танцующие тени, похожие на привидения. Я пыталась выкинуть *ее*

из головы, но, даже зажав глаза, по-прежнему *видела* ее лицо, *ощущала* ее кожу, *слышала* ее плачущий голос.

Помню, что увидела под ногтями грязь и пошла в душ отмываться, прежде чем идти спать.

Мой телефон опять жужжит, и я понимаю, *что* меня разбудило. Сейчас раннее утро, за окном квартиры так же темно, как и внутри, и стоит зловещая тишина. Я стала скорее бояться молчания, чем просто слышать его. Оно наползает на меня, часто прячась в самых громких уголках моего мозга. Прислушиваюсь – ни машин, ни пения птиц, ни звуков жизни. Ни грохота бойлера, ни бормотания сети древних труб, которые тщетно пытаются согреть мой дом.

Пристально смотрю на мобильник – единственный свет в темноте – и вижу, что меня разбудило сообщение с экстренной новостью. Экран отбрасывает неестественный отблеск. Читаю заголовок – в лесу нашли тело женщины. Не уверена, что я уже проснулась. Комната кажется еще темнее, чем раньше.

И тут телефон начинает звонить.

Я отвечаю и слушаю, как Тоший инспектор извиняется за столь ранний звонок. Он спрашивает, не могу ли я прийти и провести программу.

– А что случилось с Кэт Джонс? – спрашивает голос, очень похожий на мой.

– Мы не знаем. Но она не вышла на работу, и с ней никто не может связаться.

Маленькие кусочки, на которые я вчера распалась, начинают сползаться и собираться воедино. Иногда я теряюсь в собственных мыслях и страхах. Загнанная в мир тревоги, которая, как я знаю в глубине души, существует только в моей голове. Беспокойство часто заявляет о себе громче, чем логика, и, если долго представлять себе худшее, оно может стать реальностью.

Когда я не отвечаю на первый вопрос, Тощий инспектор задает следующий:

– Мне в самом деле жаль *тлевожить* вас, Анна. Но мне по возможности надо знать сейчас, сумеете...

Благодаря дефекту речи я ненавижу его не так сильно. Я точно знаю, что собираюсь сказать, поскольку репетировала этот момент в своем воображении.

– Конечно, я никогда не подводила коллектив.

Как же мне приятно слышать явное облегчение на другом конце провода.

– Вы – наша спасительница, – говорит он, и на какое-то время я забываю, что на самом деле все наоборот.

На приведение себя в порядок уходит больше времени, чем обычно; я по-прежнему пьяна, но все можно исправить с помощью прописанных мне глазных капель и чашки кофе. Я пью его еще горячим, и он обжигает мне рот. Легкая боль не повредит. Затем наливаю немного холодного белого вина из одной из стоящих в холодильнике бутылок – один маленький бокал, чтобы смягчить жжение. Направляясь в ванную,

игнорирую дверь спальни в конце коридора, которую всегда держу закрытой. Иногда наши воспоминания трансформируются, являя нам более симпатичные образы прошлого, нечто менее ужасное, на что можно оглянуться без опаски. Иногда нам надо нанести на картину свежий слой краски, притворившись, будто мы не знаем, что спрятано под ним.

Принимаю душ и достаю из гардероба красное платье, с которого еще не отрезала бирки. Я не шопоголик, но, когда нахожу модель, которая мне идет, обычно покупаю ее во всех цветах. Одежда не делает из меня женщину, но она может помочь замаскировать материю, из которой мы скроены. Я не сразу начинаю носить новые вещи – оставляю их до той поры, когда мне надо почувствовать себя хорошо, а не как обычно. Сейчас идеальный момент для того, чтобы надеть что-нибудь новое и симпатичное и спрятать то, что у меня внутри. Когда я довольна той, на кого похожа, заворачиваю ее в мое любимое красное пальто – не всегда плохо, когда тебя замечают.

До работы еду на такси – мне хочется как можно быстрее довезти себя прежнюю до моей прежней работы – и кладу в рот мятный леденец, прежде чем войти в здание. Прошло меньше двадцати четырех часов, но, взглянув на отдел новостей, чувствую себя так, будто вернулась домой.

Подходя к коллегам, не могу не заметить, как все поворачиваются в мою сторону, словно стоя мангустов. Они обмениваются тревожными взглядами, беспокойство четко от-

печаталось на усталых лицах. Я думала, что меня встретят более радостно – не все ведущие отработывают так, как я, чтобы попасть в прямой эфир. Поправляю свою оставшуюся без ответа улыбку и сжимаю металлические перила винтовой лестницы немного крепче, чем раньше. Мне кажется, я могу упасть.

Когда дохожу до стула ведущего, меня останавливает редактор и кладет свою ледяную ладонь поверх моей. Она качает головой, а потом смотрит в пол, словно смущена. Она из тех женщин, которые регулярно молятся о жирном банковском счете и худом теле, но бог, судя по всему, всегда путает ее молитвы. Я стою в центре, вокруг сидят коллеги, и я ощущаю жар их взглядов на моих пылающих щеках и пытаюсь вычислить, что *они* знают такого, чего не знаю я.

– Извините меня, ради бога! – раздается голос за моей спиной. Наверное, смешно описывать его как приглаженный бархат, но он звучит именно так: роскошное, женственное мурлыканье. Этот голос я не ожидала и не хотела услышать. «Няня в последнюю минуту отказалась, моя свекровь согласилась, но умудрилась по дороге разбить свою машину – ничего серьезного, просто удар, – но потом, когда я *наконец* сумела пристроить девочек и уйти из дома, мой поезд опоздал, и я поняла, что забыла телефон! У меня не было никакой возможности сообщить вам, насколько я задерживаюсь. Еще раз прошу у всех прощения, но вот я здесь».

Не знаю, почему я поверила, что Кэт Джонс ушла насо-

всем. Сейчас это кажется глупым, но очевидно, я вообразила себе небольшой несчастный случай, из-за которого она больше не сможет вести выпуск ежедневных новостей, — тогда бы я сумела занять ее место и стать тем человеком, которым хочу стать. Теперь, когда она здесь, я оказалась не у дел и уже чувствую, как сжимаюсь и превращаюсь в кого-то маленького и невидимого. Лишняя и ненужная запасная деталь в только что отремонтированной машине.

Она закладывает свои ярко-рыжие волосы за уши, и становятся видны бриллиантовые пусеты, которые выглядят гораздо более натуральными, чем человек, который их носит. Такой цвет волос не может быть естественным, но он прекрасно смотрится, равно как и ее желтое платье, сидящее по фигуре, и жемчужно-белые зубы, которые она показала, улыбнувшись в мою сторону. Я чувствую себя гадким утенком.

— Анна! — говорит она, словно мы старые друзья, а не новые враги. Я улыбаюсь ей в ответ, будто возвращаю ненужный подарок. — Я думала, что теперь, когда я вернулась, вы проведете первый день свободы дома с вашей малышкой! Надеюсь, вы справляетесь с ролью мамы. Сколько сейчас вашей дочери?

Ей было бы два года, три месяца и четыре дня.

Я не устаю считать.

Наверное, Кэт помнит меня беременной. Получается, никто не рассказал ей, что произошло через несколько месяцев

после рождения Шарлотты. Внезапно в отделе новостей время словно остановилось и замерло, и все повернули головы в нашу сторону. От ее вопроса у меня из легких уходит воздух, и похоже, никто, включая меня, не в состоянии ответить на него. Ее брови – я совершенно уверена, что это татуаж, – образуют несколько театральную морщину.

– О боже, они вызвали вас так рано из-за меня? Снова прошу прощения, вы могли бы для разнообразия провести приятное утро, оставшись дома с семьей.

Чтобы сохранить равновесие, держусь за стул ведущего.

– Все в порядке, правда, – говорю я и выжимаю улыбку, от которой у меня болит лицо. – Если честно, мне не терпится опять стать корреспондентом, так что я в восторге от того, что вы вернулись. Знаете, я действительно соскучилась по тому, чтобы выйти из студии и начать освещать реальные истории и встречаться с реальными людьми.

Выражение ее лица остается нейтральным. Я истолковываю молчание Кэт как способ сказать, что она со мной не согласна или что она мне не верит.

– Если вы так жаждете снова выйти в люди, почему бы не взглянуть на убийство, произошедшее ночью? Тело в лесу? – отзывается Кэт.

– Неплохая идея, – говорит Тощий инспектор, подходя к ней и улыбаясь, как обезьяна с новым бананом.

Мне кажется, что я становлюсь меньше.

– Я еще не видела сюжета, – вру я.

Наверное, сейчас самое время притвориться больной. Я могу пойти домой, запереться от мира и напиться до поросячьего визга – так, по крайней мере, я разгоню тоску, – но Кэт Джонс продолжает говорить, а вся команда, похоже, ловит каждое ее слово.

– По сообщениям новостных агентств, сегодня ночью в местечке под названием Блэктаун, сонной деревеньке в графстве Суррей, нашли тело женщины. Возможно, ничего особенного, но вы же можете поехать туда и проверить. На самом деле я настаиваю, чтобы мы нашли вам съемочную группу. Уверена, вы не хотите... болтаться тут без дела.

Она бросает взгляд на так называемый таксопарк – ту часть отдела новостей, где сидят корреспонденты общего профиля в ожидании сюжетов, которые часто так никогда и не выходят в эфир.

Все специальные корреспонденты, освещающие бизнес, медицину, развлечения и преступления, сидят в кабинетах наверху. Их дни обычно заполнены и приносят им удовлетворение, а работа относительно безопасна. Но для скромного корреспондента общего профиля все обстоит совсем не так. Некоторых в свое время ждала многообещающая карьера, но, наверное, они настроили против себя не того человека и с тех пор собирают не пошедшие в эфир истории, как пыль.

В отделе новостей много неиспользованного потенциала, но из-за суровых условий медийных профсоюзов не так-то

легко добиться успеха. Для бывшего ведущего нет ничего более унижительного, чем сидеть в корреспондентском углу. Я слишком напряженно и долго работала, чтобы взять и исчезнуть. Я собираюсь найти способ снова вернуться в эфир, но не хочу освещать именно эту историю.

– А есть *что-нибудь* еще? – спрашиваю я.

Мой голос звучит странно, словно меня придушили.

Тощий инспектор пожимает плечами и качает головой. На плечах его плохо сидящего костюма я замечаю легкий след от перхоти, которую он смахнул, и он ловит мой взгляд. Я выдавливаю из себя улыбку, пытаюсь нарушить возникшее неловкое молчание.

– Тогда, наверное, поеду в Блэкдаун.

У всех нас есть трещины, маленькие вмятины и пятнышки, которые жизнь оставляет в наших сердцах и умах, наполняя их страхом и беспокойством и иногда накладывая пластырь хрупкой надежды. Я все время стараюсь как можно лучше скрывать свои уязвимые стороны и предпочитаю многое прятать.

Только лжецы ни о чем не сожалеют.

По правде говоря, я бы не хотела возвращаться именно в Блэкдаун, хотя сейчас готова была оказаться где угодно. Особенно после последней ночи. Некоторые вещи слишком трудно объяснить, даже самим себе.

Убить первую не составило труда.

Она сошла с поезда на станции Блэкдаун с таким видом, словно ей не хотелось быть там. Я могла это понять. На самом деле мне тоже не хотелось быть там, но я по крайней мере была одета по погоде, в старый черный свитер. В отличие от нее. Она приехала последним поездом с вокзала Ватерлоо, так что уже было поздно. Но у нее явно были планы на вечер – красная помада на губах, светлые волосы и черная кожаная юбка. Похоже, кожа была натуральной, чего нельзя сказать о самой женщине. Выбранная ею деятельность всегда внушала окружающим мысль о самоотверженности и сострадании – она возглавляла благотворительный фонд для бездомных, – но я знала, что она далеко не святая. Скорее грешница, которая старается искупить свои злодеяния.

Иногда мы все делаем добро, потому что чувствуем себя плохо.

В Блэкдауне не было ни души, как всегда в такое позднее время. Она – единственный сошедший здесь пассажир – пошла по безлюдной маленькой платформе. В этом сонном городишке в будние дни люди рано приходят домой и рано ложатся спать, все во власти хороших манер и приличий среднего класса. Если здесь и случается что-то плохое, люди на удивление быстро вспоминают, что значит забывать.

Сам вокзал – включенное в список культурного наследия здание, построенное в 1850 году, как гордо гласит вырезанная из камня надпись над двойными дверями. Живописная и

колоритная сельская станция, несмотря на то, что Блэдаун несколько лет назад разросся до города. Кажется, что вы вернулись назад во времени и вошли в кадр черно-белого фильма. Благодаря своему наследию станция защищена от всех ненужных форм модернизации. На ней нет камер видеонаблюдения, и только один вход и один выход.

Я могла бы убить ее там и тогда.

Но у нее зазвонил телефон.

Она говорила с тем, кто ей позвонил, всю дорогу от платформы до стоянки, так что если бы никто не увидел, кто-то бы услышал.

Я наблюдала за тем, как она садится в свою «Ауди ТТ», машину компании, за которую, по ее мнению, могла заплатить благотворительность наряду с другими вещами – дизайнерским пальто, поездкой в Нью-Йорк и прядями в волосах. Я видела старые выписки со счета, сданные в архив ее бухгалтером. Нашла их в головном офисе – ящик стола даже не был заперт. Она регулярно воровала деньги у благотворительного фонда и тратила их на себя, и было бы преступлением позволить ей заниматься этим и дальше.

Она проехала короткое расстояние от станции до леса, и мне не пришлось идти за ней далеко. Я видела, как она вышла из своей машины и пересела в другую. Там она заложила свои красивые светлые волосы за уши и набросилась на водителя. Это было нечто большее, чем аперитив, – так она подстегнула свой аппетит, прежде чем поднять юбку вверх

и опустить нижнее белье вниз для основного действия.

Я заметила, что ей нравится оставаться в одежде, — она отмахивалась от рук, которые пытались помочь ей раздеться. Это не имело значения; самое красивое в ней было по-прежнему на виду: ее ключицы. Я всегда считала ключицы одной из самых эротических частей женского тела, а у нее они были потрясающими. Впадины между плечами и ключицами, где хрупкие кости выступали под белоснежной кожей, были у нее самой изысканной формы. От их вида мне стало больно. Мне также понравились ее туфли, настолько, что я решила взять их себе. Они мне слишком малы, и я не смогу их носить, так что это скорее сувенир.

Я увидела, как изменилось ее лицо, когда в нее вошли. Затем закрыла глаза и стала вслушиваться в звуки, которые производят двое, когда знают, что им не следовало бы трахаться друг с другом, но они не могут остановиться. Как животные в лесу, они удовлетворяли базовую потребность, не думая о последствиях.

Но последствия есть всегда.

Мне понравилось, как потом выглядело лицо женщины: оно блестело от пота, несмотря на холод, бледные щеки порозовели, а идеальный рот открылся и тяжело задыхался, точно как у собаки, победившей в шоу. Она достаточно широко разомкнула губы, чтобы взять в рот один маленький предмет.

Но наибольшее наслаждение мне доставил взгляд ее хо-

рошеньких голубых глазок прямо перед тем, как я убила ее. Никогда раньше я не видела на ее лице такого выражения – страха, и оно ей очень шло. Словно она уже знала – сейчас случится что-то очень плохое.

Он

Вторник 07.00

Это очень плохо.

Если кто-то когда-то выяснит – подумают на меня, но я более или менее уверен, что никто не знает о нашей маленькой интрижке. Каждый раз, когда сегодня я бросаю взгляд на лежащее в грязи тело, я думаю о том, что прошлым вечером входил в нее.

Иногда мне казалось, что я наблюдаю за ее действиями по отношению ко мне словно со стороны, как будто наша связь не была настоящей и интерес этой красивой женщины ко мне – нечто слишком хорошее, чтобы быть правдой. В свете случившегося сейчас я понимаю, что так и было. Она села в мою машину, ни слова не говоря, расстегнула молнию и набросилась на меня. После этого позволила мне делать все, что захочу, чем я и воспользовался, получая наслаждение от тихих звуков, которые издавал ее идеальный рот.

Я долгое время представлял себе, что делаю это с ней.

До поры до времени она была мне не по зубам – думаю, в глубине души я знал, что однажды все это закончится, – но с того момента, как несколько месяцев назад начались наши поздние свидания, она позволяла мне делать с ней *все*. Я не мог взять в толк почему, с ее-то красотой, но через какое-то

время перестал размышлять над несоответствием между нами. Она была как наркотик: чем больше я брал от нее, тем больше мне было нужно, чтобы словить кайф.

Когда такая женщина захватывает ваше внимание, она редко отдает его обратно. Она приходила и уходила, как прилив, и я знал, что рано или поздно она меня смоет, но я наслаждался нашими отношениями, пока мог.

От этих отношений мы оба получали то, что хотели, – секс без обязательств. Наша связь ничего не значила и, наверное, поэтому имела место. Никаких ужинов, никаких свиданий, никаких ненужных осложнений. Она сказала мне, что развелась несколько месяцев назад – он ей изменил. Мужчина явно был дурак, впрочем, я тоже – тешил себя мыслью, что я для нее нечто большее, чем средство для поднятия самооценки. Я был не против, осознавая, что значу для нее только это. У нее была репутация плохого человека с хорошей внешностью; обычно красивым людям сходит с рук гораздо больше, чем всем остальным. В основном. Я думал, что если никто не знает, чем мы занимаемся, никто от этого не пострадает. И ошибся.

– Повторяй мое имя, – вот и все, что она произносила во время секса, и я повторял.

Рейчел. Рейчел. Рейчел.

– Вы в порядке, сэр?

На меня пристально смотрит Прийя: наверное, я опять говорил сам с собой. Хуже того: она вроде бы рассматрива-

ет царапину на моем лице, которую оставила Рейчел. Никогда не понимал, почему женщины во время секса царапают, как дикие кошки. Ее ногти всегда выглядели одинаково: длинные, розовые с белыми кончиками, с виду накладные. Я не против отметин на спине – их никто не видит, но прошлым вечером она схватила меня за лицо. Я разглядываю пальцы Рейчел, ногти небрежно подстрижены на скорую руку, и на них написано: ДВУ ЛИЧНАЯ. Затем снова смотрю на Приюю. Моя коллега не сводит глаз с бледного розового шрама на моей щеке, и мне хочется убежать, но я просто отворачиваюсь и бормочу:

– Все в порядке.

Я извиняюсь и какое-то время сижу в машине, делая вид, что звоню, хотя на самом деле пытаюсь согреться и успокоиться. Повернувшись, осматриваю заднее сиденье и еще раз быстро проверяю пол, но никаких видимых признаков того, что Рейчел была здесь, нет, хотя наверняка повсюду отпечатки ее пальцев. Я уже сбился со счета и не знаю, сколько раз и сколькими способами мы занимались любовью в этой машине. Откровенно говоря, она такая же грязная, как и мы сами. Я вымою ее позже, внутри и снаружи, когда представится подходящий момент.

Не знаю, о чем я думал, связываясь с такой женщиной. Я *знал*, что она – беда, но, возможно, поэтому не мог сказать нет. Наверное, мне было лестно. Всегда было лучше встретиться с Рейчел, чем идти домой – *там* мне было особо нече-

го ждать после долгого рабочего дня. Но если бы кто-то обнаружил, я потерял бы все.

Дождь не прекращается. Постоянный стук по ветровому стеклу отзывается в моем мозгу барабанной дробью. Голова болит в основании черепа – такую боль можно унять только никотином. Сейчас убил бы за сигарету, но я бросил курить пару лет назад ради ребенка, не желая навязывать невинному существу предпочтения моей несчастной жизни. Бокал хорошего красного также мог бы снять боль, но я больше не пью перед обедом. Взвешиваю свои возможности и понимаю, что у меня их нет – лучше придерживаться плана.

В окно стучит Прийя. Сначала я решаю проигнорировать ее, но потом передумываю и выхожу из машины, возвращаясь обратно в холодную и мокрую реальность.

– Извините, что побеспокоила, сэр. Вы с кем-то разговаривали?

Только с самим собой.

– Нет.

– Большой босс сказал, что не может вам дозвониться, – говорит она.

Если она хотела укорить меня, то преуспела. Я вынимаю мобильный и вижу восемь пропущенных звонков от заместителя начальника полиции.

– Ничего нет. Или он неправильно набирает номер, или тут плохая связь, – вру я и сразу же кладу телефон обратно в карман. Я довольно хорошо вру, как самому себе, так

и окружающим; у меня большая практика. — Если он снова позвонит, скажите ему, что все под контролем и что я свяжусь с ним позже. — Как раз сейчас мне меньше всего надо, чтобы рьяный начальник, в два раза младше меня, все мне тут испортил.

— Хорошо, я передам ему, — отзывается Прийя.

Я вижу, как она мысленно вносит этот пункт в невидимый список дел, который всегда составляет в своей голове. Ясно, что она хочет сказать мне что-то еще, и ее лицо озаряется, как игровой автомат, когда она вспоминает, что именно.

— Мы думаем, что нашли отпечаток!

Что?

— Что?

— Мы думаем, что нашли отпечаток! — повторяет она.

— Пальца? — спрашиваю я.

— Ноги.

— Правда? В этой жиге?

После дождя на земле в лесу образовалось множество ручейков. Прийя лучезарно мне улыбается, как ребенок, который хочет показать родителям свой последний рисунок.

— Думаю, криминалисты вне себя от восторга оттого, что им позволили покинуть лабораторию. Похоже, это свежий отпечаток ботинка большого размера, который поначалу скрывали опавшие листья. Они проделали потрясающую работу! Хотите посмотреть?

Я быстро бросаю взгляд на мои грязные туфли и только

потом иду за ней.

— Знаете, даже если им *удалось* найти след ноги, думаю, его оставил кто-то из членов группы. Все место происшествия надо было немедленно оцепить должным образом, как только вы там появились, — говорю я, — включая стоянку. На какие бы следы мы сейчас ни наткнулись, они ничего не будут значить для суда.

Улыбка исчезает с ее лица, и мне дышится немного легче.

Не думаю, что кто-то знает: я был здесь — и имеет основания подозревать мою связь с жертвой убийства. Пока все остается как есть, я буду в полном порядке. Мне лучше всего вести себя как обычно, выполнять свою работу и доказать, что Рейчел убил кто-то другой, пока в меня не ткнули пальцем. Пытаюсь немного прояснить свои мысли, но мозг слишком занят, и я чересчур громко думаю. Самая громкая мысль все время повторяется и на данный момент соответствует истине: не надо было возвращаться в Блэкдаун.

Она

Вторник 07.15

Нет никакого смысла пытаться отказаться от поездки в Блэкдаун. Это вызовет больше вопросов, чем я смогу дать ответов, и поэтому я еду домой и собираю сумку. Я не планирую остаться там на ночь, но в нашем деле не всегда все идет по плану. Хотя прошло какое-то время, ритуал остался прежним: чистое нижнее белье, немнущаяся одежда, непромокаемая куртка, косметика, средства для волос, бутылка вина, несколько миниатюрных бутылочек и роман, который, как я уже знаю, у меня не будет времени почитать.

Кладу мой маленький чемодан сзади в машину – красную «Мини» с откидным верхом, которую купила, когда от меня ушел муж, – затем сажусь в нее и пристегиваю ремень. Я очень осторожный водитель. Я волновалась, что после вчерашнего все еще могу превысить норму, но на такие случаи в бардачке у меня есть алкотестер. Достая его, дую в трубочку и жду, что покажет экран. Он становится зеленым, а это значит, что все в порядке. Мне не надо включать навигатор: я точно знаю, куда еду.

Поездка по трассе А3 проходит относительно безболезненно – все еще час пик, и большинство водителей в это время дня спешат в сторону Лондона, а не из него, но минуты

кажутся часами, если твоя единственная компания — одни и те же виды и тревоги. Радио мало чем помогает — каждая песня, которую я слушаю, похоже, наводит меня на мысли о том, что я бы предпочла забыть. Освещать эту историю — плохая затея, но поскольку я никому не смогу это объяснить, у меня, наверное, нет выбора.

Дискомфорт под ложечкой усиливается, когда я сворачиваю на старую знакомую дорогу и по указателям въезжаю в Блэкдаун. Все выглядит точно так, как всегда, словно время остановилось в этом маленьком уголке Суррей-Хиллз. В прошлой жизни я звала это место домом, но сейчас, когда оглядываюсь назад, мне кажется, что это не моя, а чья-то другая жизнь. Я уже не та, что раньше. Я изменилась до неузнаваемости, даже если Блэкдаун и его обитатели нет.

Он по-прежнему красив, несмотря на безобразные события, которые, как я знаю, здесь произошли. Едва свернув с основной трассы, я оказываюсь на узких сельских дорогах. Небо вскоре скрывается из вида, его заслоняет древний лес; кажется, он поглотит меня целиком. Многовековые деревья нависают над сетью тропинок, по обеим сторонам которых поднимаются отвесные стены обнаженных корней. Вверху они так сплелись искривленными кронами, что пропускают только наиболее решительные осколки солнечного света. Я изо всех сил сосредотачиваюсь на дороге впереди меня, пробираясь сквозь нежелательные мысли и тенистый туннель деревьев в город.

Выбравшись из завесы листьев, замечаю, что и в будни Блэкдаун по-прежнему одет в свой воскресный наряд. Симпатичные, ухоженные викторианские коттеджи, гордо стоящие за аккуратными садами, покрытые мхом стены сухой кладки и редкие белые частоколы. Наружные ящики для растений круглый год соревнуются с соседскими, а на улицах вы не найдете мусора. Я проезжаю зеленую зону, паб «Белый олень», осыпающуюся католическую церковь, а затем импозантный экстерьер средней школы для девочек Святого Илария. При виде школы даблю на газ и снова не свожу глаз с дороги, словно, если не смотреть на здание, призраки моих воспоминаний не смогут меня найти.

Въезжаю на стоянку Национального фонда и вижу, что мой оператор уже на месте. Надеюсь, они прислали хорошего. Все машины «Би-би-си» абсолютно одинаковые – это универсалы со съемочным оборудованием, спрятанным в багажнике, – но операторы обоего пола бывают разные. Некоторые в работе лучше, чем о них думают. Некоторые значительно хуже. То, как я выгляжу на экране, в значительной степени зависит от того, кто меня снимает, и я могу немного попривередничать, с кем мне работать. Я считаю, что, как плотник, имею право выбирать лучшие инструменты, которыми буду вырезать изделие, придавать ему форму и доводить до ума.

Паркуюсь рядом с редакционной машиной, по-прежнему не видя, кто сидит внутри. Водительское сиденье полностью

откинута, словно человек за рулем решил прикорннуть. Это не очень хороший признак. Я давно не выезжала на задание, а в отделе новостей большая текучка кадров, так что есть шанс, что мне дали оператора, с которым я никогда не работала. Этот карьерный путь крут и немного тернист, а наверху очень мало места. Лучшие люди часто двигаются вперед, поняв, что не могут подняться наверх. Не исключаю, что это кто-то новый, но, выйдя из машины и заглянув внутрь, понимаю, что это не так.

Стекло опущено – несмотря на холод и дождь, и я вижу знакомый силуэт человека. Он курит самокрутку и слушает музыку восьмидесятых. Решаю, что лучше всего обойтись без неловкого воссоединения, если таковое состоится. Предпочитаю оставлять людей, с которыми у меня были отношения, в прошлом, но это не так просто сделать, когда работаешь с ними.

– Это убьет тебя, Ричард, – говорю я, садясь на пассажирское сиденье и закрывая дверь. Машина пахнет кофе, куревом и им. Запах мне знаком, и не то чтобы совсем неприятен. Другие органы чувств впечатлены меньше. Я игнорирую инстинктивное желание убрать весь мусор, который вижу, – главным образом обертки от плиток шоколада, старые газеты, пустые кофейные чашки и смятые банки из-под колы, – и стараюсь ни к чему не прикасаться.

Замечаю, что на нем одна из его фирменных ретрофутболок и пара рваных джинсов и что он по-прежнему одевает-

ся как подросток, хотя в прошлом году ему исполнилось сорок. Он выглядит как худой, но сильный серфингист, хотя я знаю, что он боится моря. Светлые волосы достаточно отросли, чтобы завязывать их сзади, но они висят «патлами», как говорили в мои школьные годы, и небрежно заложены за уши в пирсинге. Своего рода Питер Пэн.

– Все мы от чего-то умрем, – говорит он, затягиваясь. – Хорошо выглядишь.

– Спасибо. А ты выглядишь ужасно, – отвечаю я.

Он ухмыляется – толстый лед если не раскололся, то по крайней мере дал трещину.

– Знаешь, не всегда надо говорить все, как есть. Особенно по утрам. Если бы ты так не делала, у тебя могло быть больше друзей.

– Мне не нужны друзья, мне нужен хороший оператор. Есть кто-нибудь на примете?

– Остроумно, – говорит он, стряхивает пепел от сигареты в окно и поворачивается ко мне. – Может, возьмемся за дело?

В его глазах есть что-то угрожающее, я не припомню у него такого взгляда. Но тут он выходит из машины, и я понимаю, что он просто имел в виду работу. Наблюдаю за тем, как Ричард проверяет свою камеру – может быть, он не перфекционист в вопросах гигиены, но к работе относится серьезно – и по очень многим причинам испытываю прилив благодарности и облегчения, что сегодня буду работать с ним. Во-

первых, он может сделать из любого говна конфетку и снять меня так, что я буду хорошо выглядеть, даже когда плохо себя чувствую. Во-вторых, во всяком случае, я могу быть с ним сама собой. Почти.

Мы с Ричардом несколько раз переспали, когда я работала корреспондентом. Больше об этом никто не знает – мы оба носили на пальцах кольца, – и я этим не особо горжусь. Я еще была замужем, но во мне уже произошел надлом. Иногда я считаю, что самые страшные страдания можно облегчить, нанеся себе какой-нибудь другой ущерб. Отвлечь внимание от того, что может сломать меня и ломает. Немного боли поможет моему исцелению.

Никогда не оправдывала неверность, но мое замужество окончилось задолго до того, как я переспала с тем, с кем не следовало бы. Когда мы с мужем потеряли дочь, что-то изменилось. Мы оба отчасти умерли вместе с ней. Но, подобно привидениям, не знаящим, что они мертвы, долгое время после этого мы продолжали терзать самих себя и друг друга.

В лучшие периоды эта работа полна стресса, а в худшие мы все ищем утешения там, где можем. Большинство новостей плохие. Благодаря моей работе я увидела вещи, которые изменили меня, равно как и мой взгляд на мир и живущих в нем людей. Я никогда не смогу выкинуть это из головы. Человек способен на чудовищные поступки и не способен извлекать уроки, которым нас пытается научить наша собственная история.

Когда с близкого расстояния каждый божий день наблюдаешь ужас и бесчеловечность живых существ, это постоянно меняет твою точку зрения на окружающее. Иногда всего лишь нужно не обращать внимания. В этом и заключался наш роман: совместная потребность вспомнить, что значит испытывать чувства. Это довольно характерно для людей, работающих в моей отрасли, – кажется, половина отдела новостей переспала друг с другом, – и я иногда отчаянно пытаюсь уследить за последней расстановкой сил среди нашего персонала.

Ричард натягивает пальто, и когда он вдевает руки в рукава, я мельком вижу его подтянутый живот. Затем он выбрасывает сигарету и тушит окурок подошвой большого ботинка.

– Пошли? – спрашивает он.

Он оставляет штатив, и мы идем в сторону леса. В этой грязи нет необходимости в палках. Я изо всех сил стараюсь не попасть в лужу – не хочу испортить туфли. Мы не проходим далеко. Не считая парочки фотографов, мы единственные представители прессы, но скоро становится ясно, что нам здесь не рады.

– Пожалуйста, не заходите за полицейское оцепление, – говорит миниатюрная молодая женщина.

Своей слишком аккуратной одеждой и четкой дикцией она напоминает мне разочарованную первую ученицу в классе. Она машет своим жетоном – я замечаю, что немного

смушенно, – когда мы не реагируем, как будто привыкла, что ее принимают за школьницу и ей всегда надо показывать удостоверение личности. Мне удастся прочесть фамилию «Пэтел» и больше ничего, прежде чем она кладет жетон обратно в карман. Я улыбаюсь, она нет.

– Скоро мы установим более широкий кордон. А пока попрошу вас оставаться на стоянке. Это место совершения преступления.

У этой женщины явно отсутствует харизма.

Я вижу осветительные приборы, расставленные за ней, а также маленькую группу людей в полевых костюмах криминалистов, некоторые из них склонились над чем-то, лежащем поодаль на земле. Над телом уже соорудили палатку, и по опыту я знаю, что у нас не будет другого шанса снова подойти так близко. Мы с Ричардом молча переглядываемся и молча обмениваемся репликами. Он нажимает на запись на своей камере и кладет ее себе на плечо.

– Конечно, – я сопровождаю мою не совсем невинную ложь широкой улыбкой.

Я делаю все, что мне нужно, чтобы выполнить задание. Злить полицию плохо, но иногда это неизбежно. Не люблю сжигать мосты, но впереди будут новые – предполагаю, что в данном случае – дальше вверх по течению.

– Мы только быстро снимем несколько кадров и потом не станем вам мешать, – говорю я.

– Вы сейчас же уберетесь отсюда и вернетесь обратно на

стоянку, как вас попросили.

Я замечаю мужчину, который подошел к женщине-сыщику и встал рядом с ней. У него такой вид, словно он давно не спал и одевался в темноте. Шея обмотана шарфом в стиле Гарри Поттера. Современный Коломбо минус обаяние. Ричард продолжает снимать, а я остаюсь на месте. Это знакомый танец, и мы все знаем движения – одни и те же шаги для всех экстренных новостей: сделать снимок, сделать историю.

– Этот проход для всех. Мы имеем полное право снимать здесь, – говорю я.

Самая лучшая линия поведения, которую я могу предложить, – тянуть время, чтобы дать Ричарду возможность сделать приближение и снять еще несколько кадров крупным планом.

Мужчина-сыщик делает шаг вперед и закрывает линзу ладонью.

– Смотри у меня, приятель, – говорит Ричард, отходя назад и направляя камеру на землю.

– Я вам не приятель. А ну давайте обратно на стоянку, чтоб вас, не то арестую.

Мужчина-сыщик смотрит на меня и только потом поворачивается обратно к палатке.

– Мы просто делаем свою работу, зачем же быть таким кретином, – бросает Ричард через плечо, когда мы уходим.

– Тебе удалось что-нибудь снять? – спрашиваю я.

– Конечно. Но я не люблю, когда трогают мою камеру. Мы будем жаловаться. Выясни, как зовут этого парня.

– Не надо выяснять, я и так знаю. Это главный инспектор сыскной полиции Джек Харпер.

Ричард смотрит на меня большими глазами.

– Откуда ты знаешь?

Секунду я думаю, а потом отвечаю:

– Мы уже встречались.

Это правда, хотя и не вся.

Он

Вторник 08.45

Встреча с Анной выбивает меня из колеи, но я никому не собираюсь говорить правду. Мысленно я все время прокручиваю сцену нашего столкновения, пока она не превращается в раздражающий рефрен, каждую строчку которого я знаю наизусть, и выплескиваю свою обескураженность на окружающих. Я бы хотел лучше справиться с этой ситуацией, но у меня уже начинается череда плохих дней, и *ее* не должно быть здесь. В моем гардеробе висит совершенно новая рубашка, которую я мог бы сегодня надеть, если бы знал, что увижу *ее*. Рубашка висит там несколько месяцев, но до сих пор на ней заломы – *ее* прислали в свернутом виде. Сам не знаю, для чего я *ее* берегу – я же никуда не хожу с тех пор, как переехал сюда, – а теперь она увидела меня в *таком* виде, в мятой одежде и куртке, которая старше некоторых моих коллег. Делаю вид, что мне все равно, но это не так.

Здесь все кишмя кишит грузовиками со спутниковыми антеннами, операторами и репортерами. Понятия не имею, как пресса, включая *ее*, так быстро узнала подробности. Какой-то бред. Даже если они узнали о найденном теле, в этот лес можно войти с разных сторон, а сам он тянется на мили вдоль долины и окружающих холмов – половина которых

мне даже неизвестна, – и здесь есть несколько стоянок, так что я не понимаю, как они выяснили, что нужно подъехать именно к этой. Тем более что Анна появилась практически первой.

Замечаю, что она разговаривает с Прией в стороне от остальных журналистов, и борюсь с желанием подойти к ним и вмешаться. Она всегда умела превращать врагов в друзей. Я просто надеюсь, что сержант сыскной полиции Пэтел не настолько наивна, чтобы доверять журналисту, или сказать то, что не следует, под запись или без записи. Она что-то протягивает Анне. Обе женщины улыбаются, и я должен напрячься, чтобы увидеть, что это: синие полиэтиленовые бахилы. Анна прислоняется к стволу дерева и натягивает их на свои высокие каблуки. Потом бросает взгляд в мою сторону и машет, а я притворяюсь, что не вижу, и отворачиваюсь. Должно быть, она попросила криминалистов дать ей пару – не хотела пачкать в грязи свои хорошенькие репортерские туфельки. Невероятно.

– По-моему, я знаю, кто эта женщина, – произносит Прия, подойдя ко мне и прервав мой внутренний монолог.

По крайней мере, надеюсь, что внутренний.

Мне известно, что с недавних пор я стал говорить вслух с самим собой. Я заметил, что люди на улице с изумлением смотрят на меня, когда это случается. Похоже, в основном это происходит от сильной усталости или большого стресса, а будучи сыщиком средних лет, живущим с вечно несчаст-

ной женщиной и двухгодовалым ребенком, я довольно часто испытываю и то, и другое. Пытаюсь вспомнить, кто из группы курит – может быть, мне удастся стрельнуть сигаретку и успокоиться.

Прийя устала на меня, словно ждет какого-то отклика, и мне приходится перенастроить свой ум и вспомнить, что она сказала.

– Она ведущая теленовостей, наверное, поэтому вы ее узнали.

Мои слова чересчур поспешно срываются с языка и обгоняют друг друга. Я говорю даже с большим раздражением, чем то, которое испытываю на самом деле. Прийя – она считает перепады моего настроения, словно это ее любимое занятие на игровой площадке, – не дает разговору прерваться.

– Я имела в виду жертву, босс, а не Анну Эндрюс. – Оттого что ее имя произнесли вслух, меня во второй раз выбивает из колеи. Понятия не имею, что выражает мое лицо, но Прийя, похоже, чувствует необходимость в самообороне. – Я смотрю новости, – произносит она и снова делает эту странную вещь – выдвигает подбородок вперед.

– Рад слышать.

– Что касается жертвы, я еще не знаю *ее* имени, но я видела ее в городе. А вы разве нет?

Видел ее, вдыхал ее, трахал ее...

Славу богу, Прийя разошлась не на шутку и не дает мне

ответить.

– Такую женщину трудно не заметить, так ведь? Или было трудно не заметить, с ее светлыми волосами и модной одеждой. Не сомневаюсь, что видела, как она шла по главной улице с ковриком для йоги. Если верить остальным членам местной группы, она вроде бы была отсюда, родилась и выросла в Блэкдауне. Они думают, что она продолжала здесь жить, но работала в Лондоне. В благотворительном фонде для бездомных. Но никто не может вспомнить ее имени.

Рейчел.

Она не просто работала в благотворительном фонде для бездомных, она возглавляла его, но я не поправляю Прийю и не говорю ей, что уже знаю о жертве почти все, что можно знать. Рейчел начала заниматься йогой после того, как ее муж занялся кем-то другим. Она немного помешалась на этом, посещая занятия четыре-пять раз в неделю, но я не возражал. Именно это хобби было на пользу нам обоим. Кроме свиданий со мной на автостоянках или в случайных гостиницах – мы никогда не были друг у друга дома и не встречались на людях, – она, судя по всему, мало куда ходила и мало с кем общалась, только если это не касалось работы. Она помещала свои фотографии в Инстаграме с вызывающей тревогу регулярностью – я любил рассматривать их, когда был один и думал о ней, – но для человека, имеющего в сети тысячи так называемых друзей, в реальной жизни их у нее было на удивление мало.

Возможно, потому, что она всегда была занята работой.

Или, может быть, потому, что другие люди завидовали ее успехам.

Или потому, что, может быть, за красивой оболочкой скрывались уродливые черты, которые я предпочел не замечать, но не мог их не видеть.

Теперь мы установили широкий кордон вокруг этой части леса, но он словно превратился в липкую ленту-ловушку – здесь настойчиво крутится пресса, пытаюсь получить обзор получше. Вышестоящий чин велел *мне* сделать заявление на камеру, и на меня обрушился шквал звонков и мейлов – от людей из штаб-квартиры, о которых я никогда не слышал, – с требованием, чтобы я одобрил пост для полицейского аккаунта в соцсетях. Я не *сижу* в соцсетях, только шпионю там за женщинами, с которыми сплю, но последнее время мне кажется, что для сильных мира сего это важнее работы. Ближайшим родственникам еще не сообщили, но *мне* явно нужно выбирать приоритеты. У меня так громко урчит в животе, что, наверное, слышит вся группа. Все они, похоже, пристально смотрят на меня.

– Миндаль? – спрашивает Прийя и машет в мою сторону чем-то вроде пакетика с птичьим кормом.

– Нет, спасибо. Мне хотелось бы сэндвич с беконом или...

– Сигарету?

К моему удивлению она достает из кармана пачку. Прийя одна из модных теперь вегетарианцев – веган, и я никогда

не видел, чтобы она отравляла свой организм чем-то более опасным, чем редкая плитка темного шоколада. В своей маленькой ручке она держит мою старую любимую марку сигарет – это все равно что застать монахиню за чтением каталога фирмы «Энн Саммерс»⁴.

– Зачем они вам? – спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

– Для экстренных случаев.

Сегодня она мне не нравится немного меньше, чем обычно. Я беру одну сигарету и разламываю ее на две части – думаю по старой привычке, что эта маленькая раковая палочка нанесет мне только половину вреда, – и Прийя дает мне прикурить. Она такая маленькая, что мне приходится наклониться, и я решаю проигнорировать, как дрожат у нее руки, когда одна держит спичку, а другая заслоняет ее от ветра. Я встречал бывших курильщиков, которые говорят, что от запаха сигарет им теперь становится плохо. Я не из таких. Первая сигарета, до которой дотронулись мои губы за два года, вызывает сплошной экстаз. От временного кайфа на моем лице появляется случайная улыбка.

– Лучше? – спрашивает Прийя.

Обращаю внимание, что она не закурила.

– Да, гораздо. Организуйте пресс-конференцию. Давайте дадим этим писакам то, чего они хотят, и будем надеяться, что после этого они от нас отстанут.

⁴ Британская компания, продающая секс-игрушки и сексуальное нижнее белье

Она тоже улыбается, словно это заразно.

– Да, босс.

– Я не ваш... не обращайтесь внимания.

Спустя двадцать минут, сняв свой шарф в стиле Гарри Поттера, я стою на стоянке перед десятью или более камерами. Какое-то время мне не приходилось этого делать – с тех пор, как я уехал из Лондона. Чувствую, что разучился, а также потерял форму, и невольно втягиваю живот, прежде чем начать говорить. Молча пытаюсь заверить мое беспокойное эго, что никто из знакомых этого не увидит. Но я не так хорошо лгу самому себе, как другим, и эта мысль меня не очень успокаивает. Вспоминаю, что на мне мятая одежда, и осознаю, что сегодня утром должен был хотя бы побриться.

Я откашливаюсь и собираюсь держать речь, но тут вижу, что она пробирается вперед. Другие журналисты выглядят недовольными, пока не поворачиваются и не узнают ее лицо. Они расступаются и пропускают Анну, словно прибыла ее величество репортер. В свое время я провел достаточно пресс-конференций и сделал достаточно заявлений на камеру и знаю, что к большинству экранных талантов относятся так же, как и ко всем остальным. Но от нее исходит уверенность, даже если я знаю, что внутри этот человек не соответствует той версии, которую она являет окружающему миру.

На всех остальных одежда неброских тонов – оттенки черного, коричневого или серого, словно они сознательно оделись под цвет места убийства, – но это не ее случай. На Ан-

не яркое красное пальто и платье – наверное, новые, я их не узнаю. Я стараюсь не смотреть в ее сторону, чтобы не отвлекаться. Никто здесь никогда не догадается, что мы знакомы, и в наших общих интересах не раскрывать этот секрет.

Я жду, пока они направят на меня все свое внимание. Толпа снова смолкает, и я делаю свое заранее приготовленное и заранее одобренное заявление. Сыщикам больше не разрешают говорить от себя. По крайней мере, мне. После последнего случая.

– Сегодня рано утром полиция получила сообщение о том, что в Блэкдаунском лесу совсем рядом с деревней было найдено тело. Полицейские прибыли на место и обнаружили тело женщины недалеко от мини-автостоянки. Официально личность женщины пока еще не установлена, и в настоящее время обстоятельства смерти не выяснены. На период расследования в районе места преступления установлен кордон. Из данной локации больше не будет сделано дальнейших заявлений, и в данный момент я не стану отвечать ни на один вопрос.

Пользуясь случаем, мне бы также хотелось напомнить вам, что это – место совершения преступления, а не снятый в павильоне эпизод бредового детектива, который вы смотрите по каналу «Нетфликс».

Я не произношу последние фразы. Во всяком случае, надеюсь, что не произнес. Собираюсь уходить – мы сознательно не сообщаем прессе или общественности слишком много

на такой стадии, – но тут слышу *ее*. Мне всегда нравилось слушать, как говорят разные люди, это в значительной степени характеризует их. Я имею в виду не просто акцент, а все: тон, громкость, скорость, а также лексикон. Слова, которые они выбирают, и то, как, когда и почему они их произносят. Паузы между словами, которые могут быть не менее громкими. Голос человека подобен волнам – одни просто омывают тебя, а другие способны сбить с ног и затащить в океан неверия в собственные силы. От звука *ее* голоса мне кажется, будто я тону.

Анна явно не слышала, что я сказал по поводу отсутствия вопросов. Или, насколько я знаю *ее*, предпочла проигнорировать мое замечание.

– Это правда, что жертва – местная жительница?

Я даже не поворачиваюсь в *ее* сторону.

– Без комментариев.

– Вы сказали, что в настоящее время обстоятельства смерти еще не выяснены, но вы можете подтвердить, что расследуется убийство?

Я знаю, что камеры по-прежнему снимают, но начинаю уходить. Анна не из тех женщин, которым нравится, когда их игнорируют. Не получив ответа на свой последний вопрос, она задает другой:

– Это правда, что жертва была найдена с посторонним предметом во рту?

Тут я останавливаюсь и медленно поворачиваюсь к ней.

В голове роится сотня вопросов, когда я смотрю в зеленые глаза, которые, оказывается, смеются. Только два человека знают, что во рту жертвы найден предмет, – сержант сыскной полиции Пэтел и я. Я специально никому еще не сказал об этом – такая информация станет известна всем раньше, чем я этого захочу, – а Прийя умеет держать язык за зубами. Тогда возникает другой вопрос, на который я не могу ответить: как Анна узнала?

Она

Вторник 09.00

Игнорируя взгляды других журналистов, спешу к своей машине. Я забыла, что это такое – часами напролет стоять на холоде, и жалею, что не оделась теплее. Но по крайней мере я хорошо выгляжу. В любом случае лучше, чем Джек Харпер. Как только сажусь в «Мини», завожу мотор и включаю отопление, пытаюсь согреться. Я хочу позвонить так, чтобы меня никто не слышал, и поэтому прошу Ричарда снять еще несколько кадров.

Странно представить себе, что вся команда *Дневных новостей* сидит в отделе новостей без меня, и все идет, как обычно, словно меня там никогда не было. Думаю, я смогу убедить Тощего инспектора дать мне выйти эфир с тем материалом, который у меня уже есть. Тогда, во всяком случае, это не будет пустой тратой времени. Мне кажется, что для ответа лучше всего обратиться непосредственно на самый верх – редактор сегодняшней программы страдает хронической нерешительностью.

В конце концов, после того как раздается больше гудков, чем следовало бы при звонках в отдел новостей канала, кто-то отвечает.

– *Дневные новости*, – мурлычет она.

От звука бархатного голоса Кэт Джонс мой выходит из строя.

Я вижу ее сидящей на стуле, который еще вчера был моим. Отвечающей по моему телефону. Работающей с моей командой. Закрываю глаза и вижу ее рыжие волосы и белоснежную улыбку. От мысленного образа испытываю не дурноту, а жажду. Мне на помощь приходят мои пальцы – они автоматически начинают искать в сумке миниатюрную бутылочку виски. Открываю виски, отвинчивая пробку одной свободной рукой – у меня большой опыт – и опустошаю бутылочку.

– Алло? – произносит голос на другом конце с интонациями вежливого опережения – так говорят люди, которые кладут трубку, когда никто не отвечает. Ответ застревает у меня в горле, словно мой рот забыл, как формулировать слова.

– Это Анна, – говорю я, испытывая облегчение от того, что еще помню собственное имя.

– Анна?..

– Эндрюс.

– О боже, я *очень* извиняюсь. Я не узнала ваш голос. Вы хотели поговорить с...

– Да, пожалуйста.

– Конечно. Не буду вас отключать. Посмотрим, смогу ли я привлечь его внимание.

Слышу щелчок, а потом знакомую музыкальную заставку *Новостей на «Би-би-си»*, которая мне всегда скорее нравилась. Сейчас она меня страшно раздражает. Бросаю взгляд

в окно на остальных журналистов, которые еще не расходятся. Некоторые лица мне знакомы, и все, похоже, искренне рады меня видеть, что приятно. Вспоминаю, что несколько человек пожали мне руку, и снова лезу в дамскую сумочку, на этот раз в поисках антибактериальной салфетки, чтобы протереть пальцы. Я уже собираюсь положить трубку – устав от ожидания, – но тут вместо музыки слышу крик в отделе новостей.

– Может, кто-нибудь попытается ответить на эти *челтовы* звонки? Это на самом деле не так *тлудно* и *вляд* ли вызовет *пеленапляжения* мышц, поскольку вы делаете это *клайне ледко*. Да, кто это? – Тощий инспектор рявкает мне в ухо.

Несмотря на должность и апломб, этот человек редко что-либо контролирует. Включая свой дефект речи. Я часто подзревала, что у сотрудников отдела новостей аллергия на его воображаемый авторитет, и хор неотвеченных телефонных звонков на заднем плане подтверждает эту теорию.

– Это Анна, – говорю я.

– Анна?..

Я подавляю в себе страстное желание закричать. ясно, что амнезия – это заразная болезнь.

– Эндрюс, – подсказываю я.

– Анна! Мои извинения, сегодня *улром* здесь *тволитсся* что-то немыслимое. Чем могу помочь?

Хороший вопрос. Вчера я вела программу, а сегодня мне кажется, что я звоню с рекламным предложением и прошу

уделить мне одну-две минуты.

– Я сейчас на месте убийства в Блэкдауне...

– Это убийство? Не вешайте трубку... – Его голос опять меняется, и я понимаю, что он говорит с кем-то еще. – Я сказал нет *неполовозлелому* политическому *леполтелу*, о котором никогда не слышал в *Вечелней истолиши*, это же долбанный главный сюжет. Хорошо, скажи Вестминстерскому редактору на пять минут вынуть свою голову из задницы Даунинг-стрит... Мне плевать, что они делают для других выпусков. Я хочу *злелого* корреспондента для сводки новостей, так что дайте мне такого. Что вы говорите?

До меня не сразу доходит, что он снова обращается ко мне. Я слишком занята тем, что представляю себе, как он скорее физически, чем фигурально, сражается с этой дюймовочкой – Вестминстерской редакторшей. Она его прикончит.

– Убийство, которое вы меня послали освещать... – упорно продолжаю я.

– Я *плосто* подумал, что вам лучше быть там, а не здесь, в свете того, что случилось этим *утлом*. После недавнего заявления полиции я *плосмотлел* сообщения. Все пишут о том, что это была *смелть* при невыясненных обстоятельствах ...

– Это все, что полиция говорит в данный момент, но я знаю, что это не совсем так.

– Откуда вы знаете?

На этот вопрос трудно ответить.

– Просто знаю и все, – произношу я слабым голосом и сама слабею.

– Ладно, позвоните мне снова, когда запишете сюжет. *Посмотрим*, смогу ли я вас куда-нибудь втиснуть.

Втиснуть меня?

– Это будет большая история, – говорю я, еще не готовая сдаться. – Было бы хорошо пустить это в эфир раньше всех остальных.

– Извините, Анна. Последний твит *Тлампа* может вызвать *клизис*, и сегодня действительно оживленный новостной день. Мне кажется, это тело в лесу всего лишь локальная новостная *истолия*, и у меня нет места. Позвоните, если ситуация изменится. *Холошо?* Мне нужно идти.

– Это не...

Я не утруждаю себя и не заканчиваю предложение, потому что он уже повесил трубку. На какое-то время погружаюсь в собственные темные мысли. В нашем деле каждый день как Хэллоуин – взрослые ходят в жутких масках, притворяясь теми, кем они не являются.

Кто-то стучит в стекло, и я подпрыгиваю. Поднимаю глаза, думая, что у моей машины стоит Ричард, но это Джек в образе сыщика с крайне недовольным выражением на лице. Судя по его лицу, он злится на меня так, как злился в последний раз, когда мы виделись. Я выхожу из машины и улыбаюсь, когда Джек оглядывается через плечо и проверяет, не наблюдают ли за нами. Он всегда страдал легкой параной-

ей. Он стоит так близко, что я чувствую, как от него пахнет затхлым табаком. Это меня удивляет – я думала, он бросил.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спрашивает он.

– Я на работе. Мне тоже приятно тебя видеть.

– С каких это пор «Би-би-си» посылает ведущих освещать вот такие истории?

Я регулярно внушаю себе, что мне все равно, что этот человек думает обо мне, но пока не хочу говорить ему, что больше не веду программу. Я никому не хочу это говорить.

– Все непросто, – отвечаю я.

– С тобой всегда так. Что ты знаешь и почему задала тот последний вопрос после пресс-конференции?

– А почему ты на него не ответил?

– Не играй со мной в прятки, Анна. У меня не то настроение.

– Ты никогда не был жаворонком.

– Я серьезно. Почему ты задала тот вопрос?

– Значит, это правда? Во рту жертвы что-то было?

– Расскажи мне, что, по-твоему, тебе известно.

– Ты знаешь, что я не могу. Я всегда защищаю свои источники.

Он приближается ко мне еще на шаг; теперь он слишком близко.

– Если ты своими действиями поставишь под угрозу это расследование, я отнесусь к тебе так, как к любому постороннему человеку. Это место совершения убийства, а не Да-

унинг-стрит или премьеры фильма с красной ковровой дорожкой.

– Значит, это убийство.

Его щеки слегка краснеют, когда он понимает, что совершил ошибку.

– Умерла женщина, которую мы оба знали, прояви хоть какое-то уважение, – шепчет он.

– Женщина, которую мы оба знали?

Он так пристально смотрит на меня, словно подумал, что мне, возможно, это уже известно.

– Кто? – спрашиваю я.

– Не имеет значения.

– Кто? – снова спрашиваю я.

– Думаю, тебе лучше не освещать эту историю.

– Почему? Ты только что сказал, что мы оба ее знали, так что, может быть, тебе не стоит вести следствие.

– Я вынужден.

– Не сомневаюсь. А теперь убегай, как ты всегда делаешь.

Он делает несколько шагов, затем поворачивает назад и подходит так близко, что его лицо оказывается прямо перед моим.

– Не надо вести себя как сука каждый раз, когда мы видимся. Тебе это не идет.

Его слова меня немного ранят. Больше, чем мне хотелось бы признаться, даже самой себе.

Джек уходит, а я надеваю на свое лицо улыбку и не снимаю

ее, пока он полностью не скрывается из вида. Затем происходит нечто странное и неожиданное: я плачу. Мне отвратительно, что он все еще способен вывести меня из себя, и я презираю себя за то, что позволяю ему это делать.

Припаркованную рядом машину открывают пультом, и этот звук пугает меня.

– Извини, что помешал.

Ричард открывает багажник и осторожно кладет туда камеру. Я вытираю под глазами тыльной стороной ладони, и влажные кусочки туши оставляют пятна у меня на пальцах.

– Ты в порядке? – спрашивает он. Я киваю, и он, к счастью, истолковывает мое молчание как признак того, что я не хочу об этом говорить. – Мы должны что-то смонтировать к обеду? Если да, нам надо продолжить...

– Нет, им ничего не надо, пока не будет развития событий, – говорю я.

– Понятно. Тогда едем обратно в Лондон?

– Пока нет. Здесь есть кое-что еще, я просто знаю это. Хочу переговорить кое с кем в городе с глазу на глаз; твоя камера только напугает их. Я возьму свою машину. По дороге есть симпатичный паб, называется «Белый олень», они подают шикарный завтрак круглые сутки. Давай встретимся там немного позже.

– Ладно, – медленно произносит он, словно тянет время, подбирая следующие слова. – Ты ведь сказала, что встречала того сыщика раньше. У вас с ним что-то было?

– Почему? Ты ревнуешь?

– Я прав?

– Пожалуй, ты не ошибся. Джек – мой бывший муж.

Он

Вторник 09.30

Моя бывшая жена знает больше, чем делает вид.

Не понимаю, как, но, прожив с женщиной пятнадцать лет, из которых десять в браке, я так и не научился отличать ее правду от лжи. Некоторые люди ради самосохранения возводят вокруг себя невидимые стены. Ее стены всегда были высокими, прочными и неприступными. Я знал, что мы в беде задолго до того, как стал с этим что-то делать. Правда в моей работе – это все, но правда в моей личной жизни может показаться ярким светом, от которого приходится отворачиваться.

Здесь никто не знает, что я был женат на Анне Эндрюс. Думаю, это также не известно никому из ее коллег. Анна всегда очень тщательно оберегала личную жизнь, эту черту она унаследовала от матери. В этом нет ничего плохого. Я тоже не люблю спрашивать и рассказывать, когда дело доходит до моей жизни вне работы.

Как и многие люди, которые долго состояли в отношениях, мы регулярно говорили: «Я тебя люблю». Точно не помню, почему и когда это начало терять смысл, но эти три маленьких слова превратились в три маленьких лжи. Они стали скорее заменой «до свидания» – если один из нас ухо-

дил из дома – или «спокойной ночи» – когда мы ложились спать. Через какое-то время мы опустили «я»; «люблю тебя» казалось достаточным, и зачем тратить три слова, когда то же самое пустое чувство можно выразить двумя? Но это было не одно и то же. Мы словно забыли, что должны значить эти слова. Мой желудок громко урчит, и я вспоминаю, что страшно голоден.

В детстве мама запрещала нам перекусывать, и в нашем доме не водилось сладкое. Она работала администраторшей у местного стоматолога и очень серьезно относилась к порче зубов. Все другие дети брали в школу еду – картофельные чипсы, конфеты, печенье, – мне же давали яблоко или по особым случаям маленькую красную коробочку с изюмом «Сан-Мейд». Помню, как сердился, когда находил ее в моем ланч-боксе, – на коробочке было написано, что изюм прибыл аж из Калифорнии, и я понимал, что даже у сухофруктов более интересная жизнь, чем у меня восьмилетнего. Самое большее, на что я мог надеяться, – яблоко сорта «Голден делишес», причем название вводило в заблуждение – по моему мнению, эти яблоки не соответствовали описанию.

Ребенком я пробовал шоколад только тогда, когда к нам приезжала бабушка. Это был наш маленький секрет, и вкус шоколада был блаженством. Насколько я помню, ничто другое не доставляло мне в детстве такое подлинное удовольствие, как маленькие коричневые квадратики «Кедбери Дейри Милк», тающие на языке.

Теперь я каждый день съедаю плитку шоколада. Иногда две, если дела на работе идут плохо. Какую бы плитку я ни покупал и сколько бы она ни стоила, она никогда не кажется мне такой вкусной, как дешевые шоколадки, которые приносила бабушка. Даже у них теперь другой вкус. Думаю, когда мы наконец получаем то, что, по нашему мнению, хотим, оно теряет свою ценность. Этим секретом никто никогда не делится – а если бы делились, мы бы все перестали пытаться.

Анна и я получили то, что, как нам казалось, мы хотели.

Но это не было неисчерпаемым запасом шоколадных плиток или частным островом под солнцем. Сначала это была квартира, потом работа, потом дом, потом свадьба и потом ребенок. Мы шли тем надежным путем, который проложили для нас предыдущие поколения, постоянно ступая по следам, оставленным столькими людьми, что дорога казалась слишком легкой. Мы были так уверены, что следуем в правильном направлении, и сохраняли наши собственные отпечатки, чтобы помочь будущим парам найти дорогу. Но в конце ритуального прохода по радуге мы не нашли горшочка с золотым счастьем. Когда мы в конце концов, пришли туда, куда, как думали, хотели, то поняли, что там ничего нет.

Наверное, это касается всех, но мы как вид заранее запрограммированы притворяться, что счастливы, когда считаем, что должны. От нас этого ждут.

Вы покупаете машину, которую всегда хотели, но через пару лет вам хочется новую. Вы покупаете дом своей мечты,

но потом решаете, что ваша мечта переросла саму себя. Вы женитесь на женщине, которую любите, но потом забываете почему. Вы заводите ребенка, потому что это следующий пункт в вашем списке дел. Так поступают все, и, может быть, это склеит то, что разбилось, хотя вы и притворяетесь, что оно целое. Может быть, именно ребенок наконец принесет вам счастье.

Одно время так и было, мы были счастливы с нашей дочерью.

Мы были семьей, и все казалось другим. Любовь к нашему ребенку словно напомнила нам, как нужно любить друг друга. Каким-то образом мы произвели на свет самое красивое живое существо, которое когда-либо видели мои глаза, и я часто в изумлении пристально смотрел на наше дитя, пораженный тем, что два несовершенных человека смогли создать такого совершенного ребенка. Наша маленькая девочка на короткое время спасла нас от самих себя, но потом ушла.

Мы потеряли ребенка, и я потерял жену.

По правде говоря, жизнь сломала нас, и, когда мы в конечном итоге признали, что не знаем, как починить друг друга, то перестали и пытаться.

– Тело увезли, – произносит Прийя.

Не знаю, как долго я стоял рядом с палаткой, погруженный в собственные мысли. Даже если никто не выяснит на-

счет прошлой ночи, я не перестану беспокоиться, что Анна так или иначе что-то знает. Она всегда могла раскусить мою ложь.

Мы оба убежали от того, что случилось. Она спряталась в своей работе, а я вернулся сюда – зная, что она не поедет за мной в это место, – не потому, что хотел, а потому, что больше не мог выносить того, как она смотрела на меня. Она никогда напрямую не обвиняла меня в случившемся, по крайней мере, вслух. Но ее глаза произносили все, о чем она молчала. Ее взгляды были переполнены болью и ненавистью.

– Сэр? – подает голос Прийя.

– Хорошо, молодцы.

Я специально попросил команду унести тело с места преступления, пока давал пресс-конференцию. Есть вещи, которые никогда нельзя снимать на камеру.

Прийя по-прежнему стоит рядом со мной и чего-то ждет. Поскольку я ничего не говорю, начинает она, и я ловлю себя на том, что скорее смотрю на нее, чем слушаю. По мне она всегда выглядит одинаково: конский хвост, старомодные шпильки, которыми она закалывает любую попавшую на лицо прядь волос, очки, вычищенные до блеска ботинки на шнуровке и отглаженные блузки, или как там называются рубашки, которые носят женщины. Она похожа на ходячий каталог «Маркс энд Спенсер»; овечка, одетая как овца. Не то что моя бывшая жена, которая всегда очень стильно одевается. Сейчас Анна выглядит даже лучше, чем когда мы были

вместе, в отличие от меня.

Наверное, одиночество идет ей. Я заметил, что она немного похудела, хотя ее вес меня всегда устраивал. Она никогда не была *большой*, даже когда считала себя таковой. Она обычно говорила, что у нее одиннадцатый размер – всегда что-то между десятым и двенадцатым. Бог его знает, какой у нее теперь... восьмой, возможно. От одиночества человек может уменьшиться не только в объеме. Хотя, может быть, она не одинока.

У меня всегда возникал вопрос по поводу оператора, с которым Анна ездила на задания. Иногда она находилась в отъезде несколько дней подряд, ночуя в гостиницах и делая репортаж о какой-нибудь истории, которую ее посылали освещать. Работа всегда была у нее на первом месте. Затем случилось то, что случилось. Анна сломалась, мы оба сломались. Но потом, когда ей улыбнулась удача, и она стала ведущей, отношения между нами на какое-то время улучшились. Теперь у нее был нормированный рабочий день, и мы проводили друг с другом больше времени, чем раньше. Но чего-то не хватало. Кого-то. По-видимому, мы так и не сумели найти путь обратно друг к другу.

Развод попросила Анна. Я не считал себя вправе спорить. Я знал, что она по-прежнему обвиняет меня в смерти нашей дочери и всегда будет обвинять.

– Не понимаю, как она узнала.

– Простите, сэр? – спрашивает Прийя, и я понимаю, что

произнес эти слова вслух, сам того не желая.

– Предмет во рту жертвы. Не понимаю, как Анна могла об этом узнать.

Глаза сержанта сыскной полиции Пэтел кажутся больше, чем обычно, за стеклами ее черепаховых очков, и я вспоминаю, что видел, как они с Анной разговаривали перед пресс-конференцией.

– Пожалуйста, скажите мне: вы не сообщили журналистке то, что я особенно просил вас не говорить?

– Мне очень жаль, сэр, – произносит Прийя детским голосом. – Я не хотела. У меня просто вырвалось. Она словно уже знала.

Я не сильно обвиняю Прийю. Анна всегда знала, как задать правильный вопрос, чтобы получить правильный ответ. Но это по-прежнему не объясняет, почему сейчас она здесь.

Я иду обратно на стоянку. Прийя буквально бежит рядом со мной, пытаюсь не отставать. Она все еще извиняется, но я снова отключаюсь. Я слишком занят тем, что наблюдаю, как Анна разговаривает со своим оператором, и мне не нравится, как он на нее смотрит. Я знаю таких мужчин, как он, сам был одним из них. Она садится в красный «Мини» с откидным верхом, который купила после развода, – возможно, потому, что знала, что мне автомобиль очень не понравится, – и, к моему удивлению, похоже, собралась уехать. Раньше она никогда так легко не отступала ни от истории, ни от чего-либо другого. И поэтому мне непонятно, куда она едет.

Немного ускорив шаги, иду к своей машине.

– Вы в порядке? – спрашивает сержант сыскной полиции Пэтел, которая все еще бежит за мной.

– Мне было бы гораздо лучше, если бы другие люди добросовестно выполняли свою работу.

– Извините, босс.

– Ради бога, я *не* ваш чертов босс.

Я ищу в карманах ключи, а тем временем «Мини» движется к выезду со стоянки. Прийя наблюдает за мной, на этот раз молча, с каким-то вызовом в глазах, которого я раньше у нее не замечал. Я даже начинаю беспокоиться: а вдруг она тоже знает больше, чем должна?

– Да, сэр, – говорит она таким тоном, что я чувствую себя одновременно старым и безобразным.

– Извините, не хотел вас обидеть. Просто немного устал. Ребенок полночи не давал мне спать, – вру я.

Теперь я живу с другой женщиной и с другим ребенком, но, в отличие от меня, у ребенка никогда не бывает проблем со сном. Прийя кивает, но, похоже, мои слова ее не убедили. Я сажусь в машину, не дав ей спросить, куда я направляюсь. Хоть бы эта проклятая штука сразу завелась. Я не знаю, ни что я делаю, ни почему. Наверное, инстинкт. Вот так я позже объясню свой поступок. У меня нет привычки следить за бывшей женой, но что-то подсказывает мне, что сейчас самое время. Более того, у меня такое чувство, как будто я должен.

Когда имеешь дело с Анной, всегда есть вопросы без ответов.

Почему она на самом деле здесь? Она уже знает, кто жертва? Каким образом она точно узнала о месте совершения убийства до того, как мы сообщили прессе? Она скучает по мне? Она вообще любила меня когда-нибудь по-настоящему?

И вопрос о нашей маленькой девочке, который всегда звучит громче всех:

Почему она должна была умереть?

От большого количества вопросов без ответов я не могу спать по ночам. Бессонница превратилась во вредную привычку, от которой невозможно избавиться. Каждый день начинается словно с конца – я просыпаюсь усталой и, когда ложусь спать, сна нет ни в одном глазу. Дело не в вине по поводу убийства Рейчел – это началось задолго до этого, и что бы я ни делала, ничего не помогает. Снотворное, которое прописал мне врач, – пустышка, и у меня страшно болит голова, если принимать его с алкоголем, от чего, конечно, трудно воздержаться. Вино – всегда самая надежная опора, когда я чувствую, что могу упасть.

По возможности я изо всех сил стараюсь вообще не обращаться к врачам. Больница – отвратительное место, после посещения которого никакие дезинфицирующие средства или мытье рук не в состоянии вывести зловонный за-

пах болезни и смерти с моей кожей. Медицинские учреждения полны микробов и косых взглядов, и, по-моему, те, кто там работает, всегда задают одни и те же вопросы, на которые я всегда даю одни и те же ответы: нет, я никогда не курила, и да, пью, но умеренно.

Насколько я знаю, нет закона, обязывающего говорить врачам правду.

Кроме того, если лгать достаточно часто, ложь начинает казаться правдой.

Мой ум больше всего настроен на размышления, когда я нахожусь в машине, но тут нет ничего нового, я всегда отличалась склонностью грезить наяву. Но в этом смысле я не представляю опасности ни для самой себя, ни для окружающих. Я возжу очень аккуратно, просто иногда делаю это на автопилоте, только и всего. В любом случае на дорогах в этих краях в основном пусто. Интересно, а сейчас все изменится? В начале, конечно, да – полиция, медиацирк, – но мне интересно, что будет потом. Когда шоу окончится, и всю... грязь уберут. Для большинства местных жителей жизнь наверняка войдет в свою колею. Конечно, не для тех, кого это коснулось непосредственно, но боль потери всегда острее всего в момент удара. Будут ли летом по-прежнему приезжать автобусы, полные туристов? Если хотите знать мое мнение – хорошо бы нет. Популярность может испортить место точно так же, как она может испортить человека.

Меня не беспокоит отсутствие угрызений совести, но я задаю себе вопрос – что это означает. Изменилась ли я радикальным образом после того, как убила ее? Похоже, люди по-прежнему относятся ко мне так же, как вчера, и когда я смотрю в зеркало, не вижу никаких разительных перемен.

Но, может быть, потому, что на самом деле это не в первый раз.

Я убивала раньше.

Я прячу воспоминания о моем поступке тем вечером, потому что до сих пор мне слишком больно, даже сейчас. Одно неверное решение привело к двум загубленным жизням, но никто не знает правду о том, что произошло. Я не сказала ни одной живой душе. Уверена, что многие люди могли бы понять мои мотивы убийства Рейчел Хопкинс, если бы знали о ней правду, – возможно, некоторые бы меня поблагодарили, – но никто бы никогда не понял, почему я убила человека, которого так сильно любила.

И они никогда не поймут, потому что я им никогда не расскажу.

Она

Вторник 10.00

Я никогда не рассказываю о себе некоторые вещи.

И таких вещей слишком много.

На то есть свои причины.

Снова идет дождь, настолько сильный, что дорога впереди почти не просматривается. Сердитые крупные капли воды шлепают по лобовому стеклу, а потом омывают его, словно слезы. Я продолжаю ехать, пока мне не начинает казаться, что я уже на приличном расстоянии как от места преступления, так и от бывшего мужа. Затем заезжаю на придорожную стоянку и сижу там минуту, зачарованная видом и звуком работающих дворников:

Бжик-бжик. Бжик-бжик. Бжик-бжик.

Уезжай отсюда. Уезжай отсюда. Уезжай отсюда.

В зеркале заднего вида я проверяю, что впереди и что сзади. Убедившись, что на дороге никого нет, выпиваю еще одну миниатюрную бутылочку виски. Виски обжигает горло и вызывает радость. Наслаждаюсь вкусом и болью, насколько у меня хватает смелости, а потом швыряю пустую бутылку в сумку. Звон, с которым эта бутылка ударяется о другие, напоминает музыкальную подвеску, которая висела у входа в детскую комнату моей дочери. От алкоголя не становится

лучше, но я хотя бы не чувствую себя еще хуже. Кладу в рот мятный леденец, дышу в алкотестер, и, совершив ритуальное самобичевание и самосохранение, еду дальше.

Возвращаясь обратно в город, проезжаю школу, в которую ходила. Несколько девочек стоят на улице в знакомой форме Святого Илария, которую я всегда так ненавидела: ярко-синего цвета с желтой полосой. Им наверняка не больше пятнадцати, и сейчас они кажутся мне совсем юными, хотя я четко помню, какой старой *считала* себя в их годы. Смешно, как часто в жизни все бывает наоборот. В детстве мы прикидывались взрослыми, а теперь мы, взрослые, ведем себя как дети.

Мне немного нехорошо, когда я подъезжаю к дому, но не из-за выпивки. Я ставлю «Мини» на улице чуть поодаль, чтобы меня не видели. Не знаю толком, почему. Она рано или поздно узнаёт, что я здесь. Чувство вины из-за долгого отсутствия словно удерживает меня в машине. Я пытаюсь точно вспомнить, когда мы последний раз встречались... думаю, что на этот раз прошло больше шести месяцев.

Я даже не приезжала на прошлое Рождество. Не потому, что у меня были другие планы – к тому времени мы с Джеком развелись, и он уже жил с кем-то другим, – а потому, что была не в состоянии. Мне нужно было побыть одной. И после работы волонтером на полевой кухне вечером в сочельник я провела три дня, запершись в своей квартире в компании одних только бутылок и снотворных таблеток.

Проснувшись 28 декабря, я не почувствовала себя лучше, но поняла, что в состоянии жить дальше. Что было одновременно хорошим и наилучшим вариантом развития событий. У меня был план Б на случай, если я не смогу изменить своего отношения к будущему, но я отбросила этот вариант, чему рада. Обычно Рождество было моим любимым временем года, но сейчас это нечто, что надо пережить, а не праздновать. И единственный известный мне способ сделать это — одиночество.

Иногда мне кажется, будто я живу ниже уровня земли, а все остальные — выше. Когда я слишком долго пытаюсь быть, звучать и вести себя как они, я словно не могу дышать. Будто даже мои легкие устроены по-другому и я не способна или не совсем подхожу для того, чтобы вдыхать тот же воздух, что и люди, с которыми я встречаюсь.

Заперев машину, осматриваю знакомую улицу. Ничего особо не изменилось. Одно бунгало превратилось в дом, а один сад — в проезд немного дальше по дороге, но в остальном все так, как обычно. Как было всегда. Словно, возможно, последние двадцать лет были ложью, плодом моего усталого воображения. Честно говоря, у меня такое чувство, будто сейчас я какое-то время балансирую на грани безумия, но еще не до конца перешла черту.

Мои ноги останавливаются у последнего дома в переулке, и я не сразу поднимаю глаза, будто боюсь вступить в зрительный контакт. Когда я все-таки смотрю на старый викто-

рианский коттедж, он выглядит точно так же, как выглядел всегда. За исключением облупившейся краски на оконных рамах и ветшающей входной двери. Участок кажется старым, что мне внове. Больше всего шокирует сад: заросшие джунгли неподстриженной травы и вереска. Двумя рядами кустов лаванды по обеим сторонам дорожки тоже никто не занимался: кривые древесные стебли торчат, как скрюченные от артрита пальцы, которые никому не дают войти.

Или выйти.

Я смотрю на садовую калитку и вижу, что она сломана и свисает с петель. Отодвигаю ее в сторону и прокладываю дорогу к входной двери, колеблясь перед тем, как нажать на звонок. Мне не надо было беспокоиться – он не работает, и я стучу. Три раза, как она учила меня много лет назад, чтобы знать, что это я. Долгое время она никого другого не пускала в дом.

Когда никто не отзывается, обращаю внимание на полинявший коврик с приветственной надписью – он перевернут. Он скорее не приветствует посетителей, а приглашает ее в реальный мир, если она когда-нибудь захочет выйти из своей входной двери и присоединиться к нему. Я молча ругаю себя, пытаюсь выбросить из головы нехорошие мысли и задвинуть их как можно дальше. И тут вижу то, что ищу: треснувший терракотовый цветочный горшок на ступеньке крыльца. Подняв его, немного удивляюсь, что она до сих пор прячет под ним ключ, и вхожу внутрь.

Он

Вторник 10.05

Я потерял ее на второй развязке – она всегда ездила быстрее, чем следовало бы, – но это не имело значения. Я уже догадался, куда она направляется, и, честно говоря, удивился – ведь прошло столько времени. Как только я вижу на улице ее машину, что подтверждает мои подозрения, проезжаю немного дальше, выключаю двигатель и жду.

Я хорошо умею ждать.

Анна выглядит не так, как сегодня утром. Она по-прежнему красива – блестящие каштановые волосы, большие зеленые глаза и маленькое красное пальто, но как-то уменьшилась. Словно это место в силах повлиять на нее физически. Она выглядит более хрупкой, такую легко сломать.

Моя бывшая никогда не любила приезжать сюда, еще до смерти нашей дочери, но она никогда об этом не говорила и не объясняла почему. После случившегося она вообще перестала куда-либо ходить, кроме отдела новостей. Анна даже покупки делала по Интернету и редко выходила из квартиры, кроме как на работу.

Она даже была не в состоянии произнести имя нашей маленькой девочки и приходила в ярость, когда я упоминал его. Она закрывала уши, как будто его звучание оскорбляло

ее. В моей жизни случались вещи – совершенные ошибки, обиженные мною люди, – которые, как мне кажется, я почти полностью выкинул из головы. Словно воспоминания было слишком больно хранить, и их нужно было уничтожить. Но, несмотря на мою вину, моя дочь не из их числа. Мысленно я иногда шепчу ее имя. В отличие от Анны, я не хочу забыть. Я этого не заслуживаю.

Шарлотта. Шарлотта. Шарлотта.

Она была такой маленькой и совершенной. А потом ушла. Когда ты понимаешь, что у тебя на что-то аллергия, вполне логично этого избегать. Так поступила Анна со своим горем. Она была занята на работе, а вне работы пряталась все время дома, пытаясь защитить себя от приступов страха, которые вызывали у нее встречи с другими людьми. Она научилась прятать свое беспокойство от других, но я знаю, что ее миром правит волнение.

Желудок начинает урчать, и я понимаю, что сегодня еще ничего не ел. Обычно у меня в машине есть что-нибудь сладкое. Если бы это знала моя покойная мама, она бы без сомнения погналась за мной с зубной щеткой-призраком. Я открываю бардачок, но вместо плитки шоколада или забытых печений, которые надеялся там найти, вижу черные кружевные трусики. Наверное, они принадлежат Рейчел – женщины не так часто раздеваются в моей машине, – хотя я понятия не имею, как они сюда попали.

Снова лезу в бардачок и нащупываю драже тик-так. Драже

напоминают мне об Анне – она всегда носит с собой коробочки с мятными леденцами, – и хотя они не заглушат голод, это лучше, чем ничего. Встряхиваю маленькую пластмассовую коробочку, открываю крышку и вынимаю несколько белых штучек. Но это *не* мятные леденцы. Я смотрю на толстые срезанные ногти на моей ладони, и мне становится плохо.

На улице хлопает дверь машины. Я бросаю трусики и коробочку из-под тик-така обратно в бардачок и через несколько секунд нервно захлопываю крышку. Словно, если не видеть эти вещи, можно представить, что их на самом деле здесь и не было.

Кто-то знает, что я был с Рейчел прошлым вечером, и теперь издевается надо мной.

Других объяснений у меня нет, но кто?

Через стекло машины наблюдаю за каждым движением Анны. Она не спеша выходит из машины, несмотря на то что мчалась сюда на всех парах. Наверное, она боится того, что может обнаружить за закрытой дверью. Я понимаю – у нее есть на это право.

Я знаю, что ждет ее в этом доме, потому что все время хожу туда.

У меня даже был собственный комплект ключей.

Но никто из них об этом не знал.

Она

Вторник 10.10

Я должна была знать, что так и будет.

За дверью – грудa нераспечатанных писем, и поэтому ее трудно открыть. Я закрываю дверь за собой, как только удастся протиснуться в щель, и чувствую, что в доме так же холодно, как и на улице. Глаза пытаются приспособиться к темноте – почти ничего не видно, – но первое и основное, что я отмечаю, – запах. Как будто в доме кто-то умер.

– Эй, есть кто-нибудь? – кричу я, но ответа нет.

Слышу знакомое бормотание телевизора в задней части дома, но не знаю, радоваться мне по этому поводу или огорчаться. Все шторы опущены, и только лучик зимнего солнца пытается подсветить их старые хлопковые края. Я помню, что они все были сделаны своими руками, больше двадцати лет назад. Трогаю выключатель, но ничего не происходит; всматриваюсь в темноту и вижу, что лампочки нет.

– Эй? – снова кричу я.

Когда во второй раз мне никто не отвечает, тяну за шнур на шторах, чтобы слегка приподнять их, и меня окатывает облако пыли – миллион крошечных частиц танцует в луче света, залившего комнату. Вижу, что в некогда уютной гостиной теперь ничего нет, кроме картонных коробок. Их полно.

Некоторые поставлены друг на друга так, что образуют высокую ненадежную конструкцию, которая наклонена в одну сторону и в любой момент может рухнуть. Каждая подписана чем-то вроде черного фломастера, и мои глаза прикованы к коробке в самом дальнем углу с надписью ВЕЩИ АННЫ.

Приходить сюда мне всегда кажется неправильным, но то, что здесь происходит, тоже не выглядит нормальным.

Это какой-то абсурд – моя мать скорее умрет в этом доме, чем уедет из него, – мы очень часто спорили об этом до того, как вообще перестали разговаривать друг с другом. Руки начинают дрожать так, как дрожали, когда я жила здесь. Ее вины тут не было, она даже не знала. Тогда я была другой, сомневаюсь, что в своем тогдашнем обличье я бы понравилась многим людям или меня бы узнали. Дом – не всегда то место, где находится твое сердце. Для людей типа меня дом – это место, где живет боль, сделавшая нас такими, какие мы есть.

Моя мама всегда была без ума от коробок, причем не все они были реальными. Когда я была маленькой девочкой, она учила меня, как складывать их в голове и прятать туда самые неприятные воспоминания. Я научилась заполнять коробки тем, что больше всего хотела забыть, и это было заперто и спрятано в самых темных уголках моей головы, куда никто, включая меня, никогда бы не заглянул. Я говорю себе то же самое, что говорю всегда, приходя сюда:

Ты больше, чем самый плохой поступок, который ты ко-

гда-либо совершила.

Я чувствую знакомую боль в затылке, которая начинает пульсировать в такт с сердцебиением. Это своего рода быстро ускоряющаяся агония, ее можно вылечить только алкоголем, потребность в котором для меня сейчас превышает все. Я лезу в сумку и нахожу полупустую блистерную упаковку с обезболивающими таблетками. Кладу две таблетки в рот, а затем ищу миниатюрную бутылочку, чтобы запить.

Теперь миниатюрные бутылочки не так трудно достать, как раньше, и мне больше не приходится красть их из самолетов или гостиниц. Больше всего я люблю водку «Смирнофф», джин «Бомбей Сапфир», бакарди и в качестве вишенки на торте ликер «Бейлиз Айриш Крим». Но моим фаворитом остается качественный шотландский виски, сейчас можно выбрать практически любую разновидность этого напитка в крошечных бутылочках – даже с доставкой на следующий день при заказе в Интернете. Все бутылочки настолько малы, что их можно осторожно спрятать в любом кармане или кошельке. Я откручиваю пробку первой попавшейся, которую нахожу в сумке, и выпиваю ее до дна, как лекарство. Сейчас это водка. После чего не заморачиваюсь и не кладу в рот леденец. Родители привыкли к своим детям, даже к плохим.

– Мама! – мой голос звучит точно так же, как в детстве, когда я звала ее.

Но ответа по-прежнему нет.

– Этого более чем достаточно для нас двоих, – так она

обычно описывала наш крошечный коттедж, когда я еще жила здесь, словно забыв, что когда-то нас в доме было трое. Я по-прежнему мысленно слышу эти слова, равно как и всю остальную ложь, к которой она прибегала, пытаясь меня удержать.

Наш дом – кирпичный викторианский коттедж с двумя гостиными на цокольном этаже и двумя спальнями на первом, в торце – более поздняя пристройка двадцатого века. Дом всегда выглядел уютно, даже когда перестал ощущаться таковым. Только не теперь. Я протискиваюсь мимо груды коробок и пробираюсь к двери, которая ведет в заднюю часть дома. Дверь скрипит в знак протеста, когда я открываю ее, и запах становится гораздо хуже. Он проникает глубоко в горло, и меня тошнит при мысли о том, чем он может быть вызван.

Я иду мимо лестницы и прохожу через то, что еще напоминает столовую – несмотря на коробки на столе, – изо всех сил стараясь ничего не опрокинуть в темноте. В углу на комоде различаю старый мамин проигрыватель, покрытый толстым слоем пыли. Вопреки моим попыткам познакомиться с кассетами и компакт-дисками, она упорно цеплялась за винил. Несколько раз я заставляла ее за тем, что она танцевала с вытянутыми руками, словно вальсировала с невидимым мужчиной.

Добираюсь до кухни, включаю свет, и моя ладонь автоматически тянется ко рту и прикрывает его. Вся имеющая-

ся поверхность заставлена грязными тарелками с остатками еды и чашками с недопитым чаем. Парочка мух лениво кружит над тем, что некогда было лазаньей, которую разогревают в микроволновке. Есть готовую еду – на маму это не похоже. Она редко ела то, что мы не выращивали в нашем собственном саду, и скорее ходила бы голодная, чем ела фаст-фуд.

Теперь этот запах почти везде. Когда мне удастся оторвать взгляд от грязи и мусора на кухне, я замечаю мерцание телевизора в теплице в задней части дома. Больше всего она любила сидеть именно там, откуда был лучше всего виден ее любимый сад.

Вижу, как она сидит в своем любимом кресле перед телевизором, рядом с ней на полу – корзина с вязанием. Моя мать всегда предпочитала делать все своими руками: еду, одежду, меня. Много лет назад она помогла мне связать для Джека шарф Гарри Поттера. Сегодня было странно видеть его в этом шарфе – прямо чистый сюр.

Подхожу ближе и замечаю, что она меньше, чем мне запомнилось, словно жизнь заставила ее сжаться. Седые волосы поредели, а некогда розовые щеки впали. На ней какая-то грязная одежда, которая ей велика; пуговицы на кардигане неправильно застегнуты, так что одна сторона белой, свалывшейся ткани длиннее другой. Кардиган вышит выцветшими пчелками, и я вспоминаю, что приобрела его много лет назад – подарок ко дню рождения, купленный в последнюю мину-

ту. Удивительно, что она до сих пор его носит. Бросаю взгляд на экран телевизора – она смотрела новостной канал «Би-би-си», словно надеялась мельком увидеть меня на заднем плане. Я знаю, что она так делает, но от этого *зрелища* мне становится еще хуже, чем раньше.

Сейчас она ничего не смотрит.

Глаза у нее закрыты, а рот слегка приоткрыт.

Я делаю еще один шаг вперед, и начинают оживать воспоминания, давно запертые в дальний ящик. Качаю головой, словно пытаюсь заглушить их до того, как они заявят о себе слишком громко. Воняет не только грязь на кухне, но и она сама. От нее пахнет телом, мочой и чем-то еще, что я не могу разобрать. Или предпочитаю этого не делать.

– Мама? – шепчу я.

Она не отвечает.

Воспоминания подобны оборотням. Некоторые гнутся, некоторые скручиваются, а некоторые съеживаются и со временем умирают. Но самые худшие никогда нас не покидают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.